

ЛУУЧ

Сергей Варлашин

18+

Olga Yanfilova
2019

Сергей Варлашин

Лууч

«Автор»

2017

Варлашин С. А.

Лууч / С. А. Варлашин — «Автор», 2017

Главная сюжетная линия происходит в воспоминаниях во время сновидений Лууча, где он, будучи маленьким мальчиком, встречается на прогулке по лесу, волшебную лошадь и неосознанно отправляется на ней в другой мир, где первую же ночь проводит под шаманским деревом, ест его плоды и оно наделяет его необычными способностями. После пройденной инициации, Луучу предстоит совершить главное приключение в своей жизни, при этом сильно постараться не потерять себя, спасти нашедшего его местного жителя, проникнуть обратно в родной мир и выбраться из цепких лап опасных спецслужб, заключивших сделку с самой опасной ведьмой в мире.

© Варлашин С. А., 2017

© Автор, 2017

Сергей Варлашин

Лууч

Ступай в лес, ступай! Если никогда не пойдёшь в лес, с тобой никогда ничего не случится и твоя жизнь не начнётся.

Эстес К. "Бегущая с волками"

Глава 1

Солнце ярко освещало комнату, свет проникал во все уголки сквозь наполовину зашторенное светлыми занавесками окно. Основной свет падал на стол с закруглёнными краями, высвечивал пару книг с бархатной и глянцевой обложками, несколько карандашей, лежавших хаотично, и большой лист бумаги, слегка затронутый рисунками хозяином комнаты. Он лежал сейчас в своей кровати у стены, совсем ещё ребёнок. Утренний луч отразился от блестящего будильника и плавно поехал по лицу мальчика, спящего с приоткрытым ртом. Одна рука лежала на подушке, второй он оттащил одеяло под самое утро, когда стало гораздо теплее. Солнечный зайчик светил на глаз и ухо, пока не стал метить в два ока одновременно. Тут-то соня и начал жмуриться, а затем и вовсе просыпаться. Открыв один глаз и сразу его закрыв, он хотел было перевернуться на другой бок, но вспомнил, что всё утро будет предоставлен самому себе и волен делать всё, что захочет. Медленно он садился, пока его ноги не опустились на пол, нащупывая там пушистые тапочки бледно-оранжевого цвета, под тон пижаме в пятнышко.

Быстро переодевшись, он тайком спустился по лестнице и выскочил на улицу. Ноги касались скошенной пару дней назад травы, и с каждым шагом по ней утренняя бодрость заполняла сознание. Вскоре трава сменилась густыми зарослями, и он оглянулся на окно своей ком-

наты на втором этаже. Лёгкий ветер уже теребил занавески, подталкивая их внутрь сквозь приоткрытое окно, но мальчик и не собирался возвращаться, чтобы закрыть: по утрам он часто оставлял его открытым, если не было сильного ветра или дождя.

Высокая трава сменилась пышными кустами и молодой порослью, пока не развернулся высокий лес. Мысли мальчика занимало только желание поскорее изучить местность вокруг своего нового дома, в который он и его родители въехали неделю назад, покинув душный город. Настала суббота – свободный день от планов, всё время составляемых для него родителями, а значит, он предоставлен самому себе практически до вечера, главное – прийти на обед по указанию мамы и не уходить далеко гулять от дома одному. Сколько неизведанной территории лежало перед ним теперь!

Участок дома плавно перетекал в лес, лёгкий забор отгораживал его только условно, и если бы не выкошенная трава на пару десятков метров вокруг, то можно было подумать: двухэтажный дом с трубой стоит прямо в лесу. В десяти минутах от дома было небольшое озеро, а уж в получасе и вовсе лежала река, которую он смог бы переплыть за несколько минут. Ход размышлений, с какой стороны обойти озеро, прервал крик большой птицы, пролетевший над верхушками огромных сосен. Тут мальчик остановился, задрал высоко голову и, мгновенно опомнившись, пошёл с левой стороны, по направлению полетевшей птицы.

Озеро, со всех сторон окружённое лесом, по форме казалось правильным кругом. Мальчик его пока не переплывал, но мог с уверенностью сказать, что переплыл бы минут за двадцать. По краю берега росли лилии, а вода была настолько прозрачной, что во время утреннего затишья просматривалось всё песчаное дно, и можно было увидеть, как рыба близко подходит к камышам и шныряет в поисках пищи. Утки заметили приблизившегося человека и скрылись в наводной зелени с синеватым отливом. Хотя одежда ребёнка не пестрела яркими красками и была не заметна (коричневые штаны с множеством карманов и бежевая рубашка вполне сливались с местными цветами), он двигался явно быстро и, подходя к воде, шелестел всем, к чему притрагивался, открыто направляясь вдоль озера в намерении его обогнуть.

Папа, конечно, говорил: одному лучше пока не гулять до озера, тем более до реки. А ещё лучше – быть в пределах слышимости от дома и на отклик возвращаться, дабы не заблудиться. Однако они всё ещё должны были спать, а ему очень хотелось поскорее дойти самостоятельно и увидеть всё собственными глазами, а не как в первый день прибытия, прогуливаясь с мамой и папой за руки.

Высокая трава обтекала ноги, доходя мальчику до колена, а местами даже до пояса. Шагая между деревьями и пышными кустами, он придерживал ветви и листья на уровне лица и груди; солнце иногда пробивалось лучами сквозь пышную растительность и ложилось ему на лицо, но уже не так болезненно, как ранним утром. Взгляд его блуждал, переводя внимание то на ноги, то на ближнюю растительность – приходилось осматриваться, ориентируясь по ходу в пространстве. Ведь тропинок не было, что было даже немного странным, вернее, они были, начинались у дома, а потом как будто таяли в траве...

Так и сейчас, он уже минут пять шёл, потеряв из вида следы протоптанной тропы. Внизу в траве шныряли насекомые, частые кузнечики выпрыгивали впереди него за пару шагов, прежде чем он ступал туда, реже взлетали бабочки и исчезали над его головой, с глазками на крыльях, белые и оранжевые, но все это не занимало его сейчас. Основное внимание было направлено на виднеющуюся впереди берёзовую рощу, ведь сразу за ней располагалась та самая река, где мальчик отдыхал с семьёй, внимательно наблюдая за течением, уносящим сухие листья, которые он бросал с самого края берега в качестве развлечения.

Мягкие водовороты и плавные волны хватали сухие листья и уносили вперёд, закручивая в медленно идущих потоках воды, завораживающее и в то же время успокаивающее зрелище для человека из городской черты! Стоило миновать открытую поляну и роща окутала его своей белизной и контрастными чёрными полосками. По мере углубления немного дальше

ориентиры и вовсе стали пропадать. По сторонам виделась всё время одинаковая картина – белое с чёрным, чёрное с белым. Спустя пару мгновений до слуха мальчика донеслось движение ветра, а за ним сразу невесомая струя воздуха обдула и его лицо, что было очень приятно; выступившие капли пота на лбу он отёр рукавом и, пройдя ещё немного, услышал шум воды.

Живописная река несла потоки воды направо. Подойдя к воде, он глубоко вздохнул и огляделся: на противоположной стороне берег, густо заросший елями, уходил немного вверх. На его стороне было гораздо свободнее, лес раньше отступал, обнажая поляны с клевером, а уклон реки располагался по направлению течения. Туда мальчик и пошёл, завидя огромное одиноко растущее дерево прямо на самом краю. Крупные, длинные ветви росли во все стороны с одинаковой частотой, а обилие зелени могло спрятать в себе бесчисленное количество птичьих гнёзд. В том, что их было на этом зелёном гиганте не менее двух десятков, мальчик даже не сомневался.

Под деревом он уселся на траву и заворожённо смотрел на маленькие водовороты, образуемые течением. Белые кувшинки ходили кругами, казалось, что течение от этого ещё быстрее. В примятой под ногами осоке лежали мелкие разноцветные камни, вынесенные полноводной рекой в дождливые дни и преодолевшие неведомое расстояние. Они ещё блестели от утренней росы. Поддаваясь интуитивному чувству игры, мальчик взял один из них, самый крупный, жёлтого цвета, и закинул на середину реки, почти не вставая. Послышался тихий – «плюх», приглушённый размеренным шумом потока воды.

Остальные камни дальше закинуть так и не вышло из-за малого веса. Поочерёдные «плюх» выделялись на фоне всеобщей тишины; кроны деревьев хоть и шевелились слегка, но почти молчали. Неожиданно вместе со звуком последнего улетевшего камня до слуха ребёнка донёсся ещё один звук, походивший на шорох. Он прислушался, но звук не повторился; влекомый любопытством, он нашарил ещё один камень и бросил в воду, недалеко. Раздалось привычное «плюх», однако как только оно утихло, новый звук повторился, и теперь мальчик разобрал, что этот шорох шёл позади него.

Взяв очередной камень для броска, повернулся спиной к реке, кинул и прислушался. Отчётливо донеслось фырчанье, мальчик нахмурился и насторожился, следом принялся медленно приподниматься, дабы выглянуть из-за травы. Мягкий шелест травы нарастал вместе с любопытством... Внезапно брови мальчика поползли вверх: из-за дерева, в нескольких метрах от него, вышла лошадь.

Лошадь была тёмно-серого цвета и отливала черничными оттенками. Длинная грива цвета воронова крыла свободно свисала с шеи и спины, как у диких лошадей, но была на удивление ухоженной, словно её часто расчёсывали. Своим размером она не уступала тем крупным лошадям, каких он видел во время своих переездов, даже выглядела ещё больше. Видимо, просто она находилась очень близко и, самое любопытное, смотрела сейчас прямо на него своими большими, тёмными, но блестящими и отражающими всё глазами.

Мальчик уже совсем не таился, а стоял и с дерзким любопытством глазел на красивую гостью, приоткрыв от изумления рот. Гостья подошла ближе, почти вплотную, наклонила голову, выдохнула из ноздрей тёплую струю воздуха и уже совсем по-другому, но так знакомо фыркнула. Мальчик улыбнулся и с восхищением протянул ладонь к её носу, влажному и холодному, затем погладил по морде. Животное не возражало, всем своим видом выказывая спокойствие и встречный интерес к маленькому человеку.

Голову заполнили мысли о том, откуда эта прекрасная лошадь пришла сюда. Может, кто-то приехал на ней верхом и бродит сейчас где-то в окрестностях? Но тогда почему на ней нет ни седла, ни стремян, ни даже следов от них? Все эти и множество других вопросов недолго кружили хороводом в мыслях и быстро пропали, стоило ему начать гладить её, обходя сбоку.

Животное было необычайно красивое. Таких породистых он, пожалуй, вообще никогда не видел в своей жизни, а повидал лошадей он немало. Не верилось, что она может быть дикой и

вовсе не имела хозяина. Мальчик не стал теряться в догадках, обошёл дерево вокруг, прошёлся немного вниз по течению, но никаких следов другого человека не нашёл. Более того, следов этой самой лошади тоже не было! «Ну не могла же она взяться из ниоткуда», – пронеслось у него в голове. Тем временем черничная гостья последовала за ним, обозначив своё присутствие уже таким привычным фырчаньем и тихим плеском воды. Он обернулся и увидел её пьющей из реки.

– Ну, ты попей пока, и я отведу тебя домой, – радостно сообщил он ей в спину и добавил. – Мне-то уже точно пора возвращаться.

Лошадь, словно соглашаясь, тряхнула головой, вышла из воды и последовала в лес.

– Очень надеюсь, что нам с тобой окажется по пути, – он припоминал расположение озера, а она шла как раз в его сторону, противоположную от реки.

Лошадь и мальчик уже скрылись в густых зарослях леса, а солнце всё продолжало подниматься, заливая светом новые участки зелени, высушивая и поднимая примятую ими траву, стирая последние следы их присутствия.

Глава 2

Впереди шла длинногривая красавица. Мальчик шёл следом за ней, обходя крупные ели, ступая на мягкую прошлогоднюю опавшую хвою, мхи и траву. Оказавшись в лесу, лёгкий ветер остановился, а спустя ещё несколько минут буквально застыл, как застыло всё, мимо чего они шли. Куда-то пропали даже насекомые, замерли листья и высокая трава, лишь птицы радостно голосили и общались между собой на одном им известном, птичьим языке. Впереди, поперёк тропинки, лежало огромное дерево. Его спутница перешагнула через поросший пушистым мхом ствол лежащего дерева и, неожиданно подогнув длинные ноги, легла, обмахнувшись хвостом. Возникшей замашки он никак не ожидал, ему ничего не оставалось, как сесть рядом на длинные сучья некогда упавшей берёзы. Взглядом, полным немного изумления, он блуждал по ней.

– Нуу... и что мы будем делать дальше? – риторически спросил мальчик.

Лошадь почти не среагировала на его реплику и лишь ещё ниже развалилась на земле, и только после этого жеста он понял, какая возможность открылась перед ним. Она уже не была такой высокой: он наконец увидел её спину, более того, закралась возможность сесть на неё верхом. Осторожно встав, не спуская с неё взгляда, он медленно, словно по тонкому льду, подошёл к ней и положил на неё сначала одну, а потом и другую руку. Черногривая лошадь даже не шелохнулась.

Осмелев, он аккуратно сел на неё; она пошевелилась и, повернув голову, посмотрела на него. В её взгляде мальчик прочел одобрение, после чего перекинул ногу, сев, будто заправский наездник. К немалому удивлению, её грива заволновалась, ноги выпрямились, голова поднялась на прежнюю высоту, доселе так непривычную для него. Лошадь плавно пошла вперёд по прежнему курсу – в сторону озера.

Восторг наполнил мальчика изнутри, ибо с первого момента их встречи ему неосознанно хотелось, чтобы она его хотя бы немного провезла на себе. Он улыбался во всю ширину своего рта, и лишь предусмотрительность не позволяла засмеяться от удовольствия. Существовала некая опасность: вдруг лошадь испугается звонкого смеха и попробует скинуть шумного наездника с себя? Однако чем дальше они следовали, тем быстрее его предосторожность таяла.

«Где-то поблизости должна находиться берёзовая роща», – думал мальчик. Сейчас они перемещались по смешанному лесу, но среди деревьев преобладали сосны, а потому видимость была хорошая. До чего удивительно тихо стало с тех пор как они вошли и немного углубились в лес! Реку стало не слышно, даже птицы затихли. Ватная тишина образовалась так неожиданно, что мальчику показалось, что у него заложило уши.

Сглотнул – прежняя тишина. Лошадь перешла на лёгкую рысь, он обнял её шею и плотнее прилёг, перестав смотреть по сторонам. Складки одежды затрепыхались от сопротивления

воздуха, а волосы откинулись назад. Странная тишина продолжилась, несмотря на увеличившуюся скорость. Только сейчас до него дошло: шум от копыт окончательно пропал! А они всё набирали и набирали скорость, стремительная скакунья достигла невероятной быстроты, но свиста, либо шума в ушах совершенно не прибавилось.

Деревья, ветки и кусты мелькали в одном вихре, складываясь в умопомрачительный танец узоров, пока вовсе не смазались в одни цветные полосы. Они ловко преодолевали любые препятствия, лавируя между стволов, перепрыгивали невысокие коряги и кусты. Наконец восторгу пришли на смену отчего-то тревожные чувства. Мальчик закрыл глаза на пару мгновений. Скорость снижалась, послышался приглушённый стук копыт по дёрну. Перестав жмуриться, он открыл глаза. Взору его предстала совсем неожиданная картина.

Широкая поляна, заросшая высокой травой и яркими цветами, окружила юного всадника; лес отступил назад. Лошадь пошла теперь совсем медленным шагом, а потом и вовсе плавно остановилась у крупного валуна, доходившего ей до брюха. Интуитивно он догадался: пора сходить здесь, на этом самом месте, прямо сейчас. Он осторожно перекинул ногу. Башмаки коснулись твёрдой поверхности камня, достаточно гладкой и оттого, вероятно, скользкой. Но поверхность оказалось достаточно устойчивой, чего было достаточно, чтобы не скатиться с покатых краёв.

Маленький наездник посмотрел на лошадь и вкрадчиво сказал: «Я благодарен тебе». Возможно, он даже бы отвесил лёгкий поклон, но после такой головокружительной поездки решил воздержаться лишний раз кивать головой. Через минуту чернично-серая лошадь с удивительно красивой гривой уже маячила вдали, пока не скрылась в близкой молодой роще, а он продолжил идти вперёд, влекомый всё тем же любопытством.

Крупные полевые цветы – совсем не такие, какими он привык их видеть в действительности – начали редеть. Потом местность круто поменялась: вокруг выросли холмы, и крутые густые поросли на них состояли преимущественно из елей. Прямо на пути возвышался небольшой холм. Когда путник взобрался на него и прошёл все ёлочные и пихтовые заросли на нём, то немало удивился открывшемуся разительному виду.

Просторы заполнили всё, что способен окинуть взором один человек. Пред мальчиком предстал обрыв колоссальных масштабов. Над всем этим великолепием парили горные орлы. Это была холмистая долина, с полями и лесами, горами и оврагами, реками и даже водопадами. Солнце стояло в зените и полновесно освещало всё обозримое многообразие природы. Мальчик, конечно, знал местность их дома по картам, что хранились у его отца в шкафу, но увиденное совершенно не вписывалось ни в какие предполагаемые представления.

– Ну делаа... – протянул он, разговаривая сам с собой. – Не хватало мне тут заблудиться, да ещё и в такой дали от дома.

Мальчик всем своим естеством вдруг осознал, как далеко находится от него дом. Но делать было нечего. Восхитительная лошадь была уже так далеко, что ему точно её не найти... Почему он так просто её отпустил, он пока не понимал – наверное, так было нужно. Уж если она его привезла так далеко, то кому, как не ей, знать обратную дорогу. Родители, скорее всего, уже сейчас зовут его на обед, а он не откликается. Лучше бы они думали, что он уже познакомился с кем-то из соседских мальчишек или ещё просто гуляет!

Ну конечно, так и подумают и беспокоиться точно не станут, может, даже до вечера. А вот его беспокойство нарастает вместе с чувством прекрасного от созерцания таких видов. Кто мог подумать ранним утром, что к обеду ему откроется этот дивный пейзаж! Самое время немного отдохнуть, подумал он. Отступил немного назад от обрыва и присел там, где стоял. В животе заурчало, домашний обед пришёлся бы очень кстати.

Он сел, расслабился, опустил голову и вдруг увидел слабое свечение – сквозь траву как будто шёл мягкий зелёный свет. Мальчик запустил туда пальцы и двумя руками начал раздвигать осоку и высокий клевер. Свечение усилилось и перешло на руки и одежду, затем даже

в глазах его заплескали зелёные огоньки. На светлячка это никак не было похоже, скорее, на камень: его пальцы коснулись предмета размером с плод чернослива и почувствовали тепло.

Недолго думая, он взял найденное сначала в одну ладонь, потом в другую, покатав в них, светлячок (так он его окрестил про себя) заметно нагрелся от таких действий. Мальчик сразу остановился и бережно положил диковинную находку в карман брюк. Боковым зрением уловив похожее свечение сбоку от себя, он встал и обнаружил, что вокруг него около дюжины подобных камней, испускающих приятный зелёный свет, даже ещё ярче, чем в первый раз – видимо, оттого что крупная ель на краю бросила тень на поляну, где он сидел.

Он наклонился и поднял ещё несколько камней. Они были немного неправильной формы, и один светился немного ярче остальных, потому и привлёк его внимание, – этот камень он уложил в отдельный карман. Пока солнце не ушло из виду, он решил отправиться дальше в путь. По левую руку виднелся относительно пологий спуск, пышно заросший деревьями. К нему и направился.

Мальчик подумал, что в такой замечательной долине точно должны жить люди. Ему даже казалось, что он видел дым и крыши домов за теми деревьями у устья реки, где-то на грани видимости вдаль, когда воображение может сыграть шутку. Значит, есть шанс, и он может спросить у живущих там людей, как ему быстрее добраться домой. Спуск – наиболее прямая дорога туда, ей он и решил пока следовать. Ведь путь одолеет идущий, весело вспомнил он где-то услышанную цитату. Мягкий мох уже проминался под ногами, а там, где он почти не проминался, судя по всему, лежали крупные камни. Наверно, здесь произошёл обвал когда-то. Иначе откуда взяться такой удобной дороге вниз с обрыва? Со стороны обрыв выглядел более отвесно, не каждый смелый альпинист отважится взобраться сюда. Мальчик не мог поверить в то, что сидел там пятнадцать минут назад.

Ловко выбирая место для шага, путник быстро спускался к подножию горы. «Будет мудро следовать по течению реки, – думал он по пути. – Но идти по прямой получится быстрее, может даже успею до темноты».

Вот только идти по прямой означало опять через лес, почти без ориентиров.

– Ну что же, значит, так тому и быть, – вслух рассудил он. – Смело пойду сначала к ручью впереди, преодолею его по тому стволу, а там будет видно.

Дерево упало когда-то давно, о чем свидетельствовал густой мох, поросший на всей его поверхности. Может, это случилось от сильного ветра, либо корни просто размывло водой. При приближении к нему стало ясно: дерево упало не при естественных обстоятельствах. Вокруг основания лежали тут и там посеревшие щепки, как при рубке крупным топором. Значит, тут точно ходят люди, раз уж для прохода сделали такую явную переправу. Поверхность же незнакомой породы дерева едва заметно была утоптана, точно проходили по ней не реже, чем раз в неделю.

– Замечательно выходит: сначала преодолею это препятствие, потом напьюсь воды из ручья на том берегу, а там уже можно поискать тропки людей, – радостно сам себе составил план мальчик.

Он осторожно поставил ногу на край бревна, вдавил каблук в мох, но глубже подошвы он не вошёл. Смело можно идти, надёжная переправа! Слегка расставил руки в стороны для баланса и пошёл, глядя то под ноги, то вперёд, то и вовсе на ручей. Бежала вода, шумела, сразу захотелось пить ещё сильнее. Вот уже середина, ещё немного – и вот опасная часть миновала. Не дойдя до конца, он спрыгнул со ствола, развернулся и, оказавшись у воды, пригоршнями принялся пить воду.

Ничего более вкусного он не пил – по крайней мере, так сначала ему показалось. А когда напился, вспомнил, что соки и всякие шоколадные напитки всё-таки вкуснее. На камнях лежали сухие палки, выброшенные течением, совсем белёсые. Одну из них мальчик выбрал себе в качестве посоха – мало ли зачем пригодится, да и просто удобно идти, если под рукой

верная опора. Взобрался на выступ, ещё раз оглянулся на обрыв, с которого спустился, и двинулся в противоположном направлении. Вид на скалу – отличный ориентир.

Короткая поляна быстро перетекла в лес, трава сменилась кустами черники, на более открытых местах мелькала красным земляника. Он периодически останавливался, чтобы поесть ягод, а они чудесным образом приглушали аппетит. В местах, где шёл густой ельник, заметно становилось темно; вскоре мальчик стал обходить его более светлыми и открытыми участками. Потом стало ещё немного темнее, так что сумерки наступили довольно скоро.

Перспектива остаться на ночь в незнакомом лесу ни капельки не радовала его. Не было даже спичек разжечь костёр, не говоря уже о какой-нибудь хотя бы простой палатке. Спустя ещё полчаса солнце ушло с макушек деревьев, сумерки плотным серым светом обступили со всех сторон. Настала пора всерьёз задуматься о ночлеге, несмотря ни на что. Даже если ближайший дом лесника или поселение находятся через пару сотен метров, ему всё равно не дойти до них без опознавательных знаков, а так как нет даже фонарика, того гляди можно и вовсе травмироваться, а это совсем не входило в его планы.

Земля под ногами стала заметно приподниматься вверх, уклон нарастал по мере восхождения на очередной холмик. Уже почти наощупь он прошёлся немного по поверхности возвышения и вплотную приблизился к чему-то крупному и тёмному. Впрочем, в такой темноте всё казалось чернильным и тёмным, не имеющим конкретных очертаний и границ. Он вытянул руки, дотронулся. Конечно же, это кора! Руки прошлишь дальше: одно дерево, но как будто сплетено из нескольких крупных стволов, оттого и казалось ещё шире, чем есть.

– Вот и отлично, – заключил мальчик. – Прямо здесь и заночую, куда мне теперь идти? Дома точно волнуются родители. Может, они уже прочёсывают всю округу с фонариками и кричат меня по имени. Моему имени. Только я сейчас так далеко, что меня точно никому не услышать.

Диалог с деревом и пустотой прервало ощущение на правом бедре – ощущение тепла. Быстро смекнув, что являлось его источником, он залез в карман и достал тот некогда светящийся камень, что поднял на краю обрыва несколько часов назад. Теперь он не только излучал свет, но и нагрелся. Мальчик покатал находку немного в руках, повертел по-всякому. Света было мало, чтобы увидеть общую картину леса вокруг, но достаточно, чтобы увидеть красивое тёмно-коричневое дерево, которое он доселе ощущивал. Свет выхватил небольшое, но уютное пространство, образуемое плотно прилегающими стволами деревьев вокруг, но не по кольцу, а скорее ромбической формы. Светящийся камень стал слегка обжигать ладони, а спустя пару секунд нагрелся так, что его невозможно было держать в руках, и мальчик его выронил прямо перед собой. Свечение усилилось, ровно изменило цвет почти к белому, а трава и прошлогодняя листва, прилегающая к нему, задымилась и обуглилась.

Резкий запах дыма привёл уставшего путника в себя. Быстро схватив ещё сухих листьев и не менее сухого мха, он положил их прямо на источник света, а через пару мгновений после появления маленьких клубов дыма первые языки пламени радовали глаз. Собрав все сухие ветки вокруг, он по одной бережно уложил их в намечающийся костер. Спустя несколько минут мальчик уже грелся в тепле потрескивающего пламени. Ощущение счастья заполняло изнутри; уставшие за день ноги он вытянул в сторону, упёршись ими в выступающий корень самого крупного переплетённого дерева. Пламя отбрасывало столпы света в разные стороны, и теперешнее место ночлега стало особенно уютным.

Над головой на высоте в два человеческих роста плотно переплетались ветви деревьев, образуя подобие крыши; плотная листва замыкала импровизированную хижину, в которой он сейчас пребывал. Более уютного места, пожалуй, было не сыскать и при дневном свете. Ребёнок решил про себя, что удача благосклонна в этот вечер: хоть и заблудился в лесу, но на ночлег устроился вполне прилично. Не успев додумать эту мысль, он вдруг почувствовал под боком округлый предмет в тот момент, когда укладывался на спину, закидывая руки за голову. Навер-

ное, камень. Но там оказался невиданный плод, похожий на орех, тускло-оранжевого цвета в бордовую крапинку, по размеру и форме со средний лимон. Разделался с кожурой-скорлупой на скорую руку и надломил его, тут же почуяв сильный цитрусовый аромат. На вкус незнакомый, бледно-жёлтый плод походил на киви, но довольно жёсткий да, к тому же, жирный, словно орех.

«Действительно достойное завершение потрясающе удивительного дня», – мелькнула у него мысль. Темнота волшебным образом сгустилась вокруг костра. Сытый и довольный, мальчик откинулся на спину и беззаботно посмотрел на густые тёмные кроны над собой, на необычайно звёздное небо за ними, почувствовал величие бесконечного, а потом и сам незаметно для себя уснул.

Глава 3

Наступило солнечное утро. Мальчик потянулся, и под его весом зашелестела трава. Пение птиц доносилось со всех сторон. Солнце пробивалось сквозь листву и весело плясало зайчиками у него по лицу, когда он оглядывался вокруг. Первые мгновения пробуждения он не понимал, где находится, спросонья даже почудилось, что он встал с кровати. Но открыв глаза, он понял, что оказался в лесу в окружении частых деревьев, возле одного очень крупного. Несколько человек не хватит, чтобы его обхватить, взявшись за руки. В животе заурчало. Где-то здесь вчера он неплохо подкрепился... Мальчик рассудил, что, если наутро с ним до сих пор всё в порядке, значит, плоды вполне годны для пищи. Пошарив вокруг себя, без труда нашёл целых пять плодов.

Утренняя свежесть заставила его немного позябнуть. Собрав остатки сухих дров, положил в кострище и принялся неторопливо раздувать угли. Первое сероватое облачко пепла взметнулось и попало в лицо, мальчик рукавом отёр лицо и заметил знакомый камень. Пока тот не стал светиться, он скорее вытащил его. Осторожно обернул крупным листом и положил в карман свою удивительную находку. Ветки задымились, и вскоре первое пламя согрело его руки.

Небольшого костра хватило, чтобы почувствовать себя вновь уютно под кронами необычайно диковинного дерева. Самый крупный фрукт-орех ребёнок с аппетитом съел довольно быстро, тут же очистил второй и продолжил завтрак, но уже медленнее и со вкусом, попутно размышляя, что делать дальше. Покончив с завтраком, встал в рост, слегка отряхнулся, затоптал угли, проследил, чтобы не попали на корни этого какого-то чудо-дерева. Потянулся и покинул временное ночное пристанище, следуя противоположному склону направлению, по которому волею судеб пришёл вчера.

Бодро и быстро семена по лесу, вскоре он подошёл к краю большого обрыва. С высоты птичьего полёта его взгляду открылись просторы неописуемой красоты, родившие первый звук за это утро – «Ого!». Далеко внизу всю округу покрывал густой ковёр из разнообразных переливов зелёных цветов леса с холмами и впадинами. Его пересекали реки, озёра и небольшие скальные образования, гораздо ниже тех на самом краю, на которых он сейчас стоял. Завораживал дух уходящий вдаль горизонт, зрения не хватало, чтобы его объять. Воображаемая черта словно таяла в серых, голубых и дымчатых тонах.

Насколько хватило прекрасного зрения мальчика, он заметил заснеженные вершины гор, на границе своего зрительного восприятия, чередующейся с воображением. Потрясённый таким пейзажем, он не сразу заметил очертания, скрываемые дымчатой завесой лёгкого тумана – деревню. Облегчённо вздохнул и решил направиться к ней, ибо альтернативы этой светлой идеи в голове не возникло. Было решено спуститься.

Выбрав склон поположе, он, хватаясь за молодую поросль среди камней, уверенно, но осторожно спускался, пока совсем не запыхался, без сил цепляясь за всё, что казалось устойчивым. Пару раз каменистая посыпь крупными валунами укатывалась у него из-под ног, но

он крепко держался руками за ветки, непоколебимо спускаясь дальше, пока не достиг самого низа.

Вот теперь он шёл, сравнительно бодро обходя препятствия, ведь сон на свежем воздухе придаёт много сил и энергии. Однако очень хотелось пить, да и просто умыться, о водных процедурах думать не приходилось. Зычный удар по дереву раздался довольно неожиданно. Размышляя и дальше, мальчик не сразу замедлил ход. Тут же второй такой же звук удара, донёсшийся не более чем в пятидесяти метрах, заставил его остановиться и прислушаться.

– Ну, наконец-то! – сорвалось с губ нагулявшегося вдоволь по лесу ребёнка. – Люди!

Мальчик ускорил шаг; второй не менее звонкий удар дал ему точное направление и уверенность в скорой встрече с мамой и папой. Он хотел сорваться на бег, звуков больше не шло, ускорив шаг ещё немного – услышал журчание ручья.

– Очень вовремя, – проговорил тихо и заулыбался мальчик.

Ручей промелькнул из зарослей, потом предстал во всей красе, маленький, но достаточно быстрый, чтобы его услышать. Ребёнок шёл, не зная, чему больше радоваться – вероятной встрече с людьми или источнику воды. Жажда взяла верх. Присел на камни, протянул руки и зачерпнул полные ладони воды. До чего вкусной показалось ему вода! Пусть ледяная, зато в избытке и очень чистая. Он наскоро напился, умылся, и его самочувствие гораздо улучшилось. Ситуация уже не представлялась экстремальной, как это было вчера с наступлением темноты.

Не утирая лица, мальчик быстро вскочил и побежал вдоль ручья, к дереву, лежащему поперёк потоку воды. Сухой ствол оказался перерублен двумя ударами наискось, с двух сторон. При падении он лёг ровно поперёк ручья. Срезы изумительно ровные – должно быть, сделавший эту работу человек очень ловок. Ступив на импровизированный мост, мальчик, балансируя руками, прошёлся до конца и прыгнул на примятую траву. Через десяток шагов он остановился, поднял голову и наткнулся на изучающий его взгляд серо-голубых глаз.

– Доброе утро! Меня зовут Лууч.

– Головус, – тут же махнул головой и сказал в ответ мужчина.

– Рад знакомству, – отвечал Лууч, уже внимательно разглядывая его внешний вид. – А вы, наверное, лесник?

Мальчик это предположил, приметив длинную ручку топора за спиной нового знакомого. Коричневое замшевое пальто плотно сидело на нём поверх тёмно-зелёной сорочки. Серые штаны были заправлены в высокие, по самое колено сапоги. Голова его была не покрыта, с тёмными, довольно длинными волосами, была и опрятная борода, но не большая.

– Взаимно. Так меня ещё никогда не называли. А кем ты будешь, Лууч? Глядя на то, как ты причудливо одет, можно сделать вывод, что с тобой случилось нехорошее, – парировал Головус.

– Я ещё ученик, недавно приехал сюда с родителями на лето, вчера утром вышел на прогулку в лес и заблудился, – признался мальчик.

– А, ну ничего, в наших краях такое бывает, – одобрительно кивнул Головус. – Сейчас я как раз возвращаюсь домой. Я живу в деревне Малахоне. Если хочешь, ты можешь пойти со мной, а там уже сам смотри куда тебе.

– Спасибо, – благодарно произнёс Лууч. – Если бы не вы, плутать бы мне сейчас тут невесть сколько. Малахоня? Не слышал о такой деревне, но да я всё равно заблудился.

– Да, но знаешь, парень, не знаю ещё ни одного человека, который бы заплутал надолго в наших краях, – поворачивался к нему спиной Головус и продолжал уже на ходу. – По обе стороны леса, в котором мы сейчас находимся, текут реки, и помимо этого много ручьёв в них впадающих. Если идти по течению, всегда выйдешь к поселениям.

Лууч последовал за ним, отмечая про себя небывалой красоты топор на спине провожающего. Тёмная рукоятка топора была скорее выполнена из морёного дуба, её ярко очерченный рисунок отчётливо выделялся по всей длине, которая составляла чуть больше метра. На воро-

нёном топорище выгравирован сложный рисунок, представляющий собой переплетение веток, дубовых листьев и каких-то неизвестных символов.

– Очень красивый у вас топор, Головус, – восхищённо промолвил мальчик, а мужчина обернулся наполовину и улыбнулся.

– Этот топор мне передал мой отец, когда мне исполнилось полных двадцать лет, ему передал его отец, мой дед, моему деду передал топор его отец, то есть мой прадед, моему прадеду передал этот же топор его отец, – Головус улыбнулся ещё шире, смотря перед собой. – И так можно долго продолжать.

– Семейная реликвия, получается. А кто-нибудь из ваших предков был дровосеком? – спросил мальчик.

– Из всех, кого я перечислил, нет. Деревьев, конечно, было свалено этим инструментом великое множество, но исключительно в благородных целях, постройка дома, например. Но мы не делали это своим ремеслом, – заключил обладатель предмета диалога.

– Вот как, интересно, – заметил Лууч и из практического любопытства продолжил спрашивать местного человека. – Скажите, а вы знаете озеро вон в той стороне, за тем большим утёсом? Оно находится в лесу, рядом с маленькой быстрой рекой. Деревня находится как раз в пятнадцати минутах от лесного озера, там я и живу со своими родителями – весной они купили там дом.

– Странно, в наших краях люди дома ставят сами, из дерева. Если кто не может поставить сам, просит помочь соседа или других знакомых. Да и кто согласится продать свой дом? – риторически заметил Головус, продолжая. – За тем большим утёсом, что ты мне показал, находятся холмы, дальше горы, все они усеяны лесом. Да только я не знаю там ни одного озера, тем более рек ни разу не видел, так, ручьи да омуты небольшие. Судя по тому, что ты мне сказал, ходишь по лесу ты уже второй день. До ближайшего озера отсюда пять дней пешего ходу и явно в противоположную сторону от великого утёса.

Лууч шёл сзади и внимательно слушал, Головус продолжал.

– В этих местах ты совсем недавно, может заплутал, несколько раз сбился с пути, что-то перепутал? Такое у нас тоже бывает.

Они шли некоторое время в тишине, так что Лууч успел хорошенько обдумать услышанное и сопоставить со своим маршрутом. В любом случае выходило на редкость необычное путешествие. Сначала лошадь, потом лихая скачка на ней, совсем неестественный ландшафт для этих краёв, равнина, но никак не высокие холмы и горы. Взять даже зелёные камни в его карманах – с таким природным явлением он никогда не сталкивался прежде! Даже не ведал о нём из книг и прочих источников информации. Те же загадочные орехо-фрукты, что, кстати, тоже лежали в его карманах... О Головусе и говорить нечего, начиная от странной одежды до лёгкого неизвестного акцента в голосе – всё казалось не типичным, не таким, как мальчик привык видеть в повседневной жизни, будь то город или деревня.

– Может, вы будете так добры и отведёте меня хотя бы к тому ближайшему озеру, о котором сказали? Вероятно, я и впрямь что-то сильно перепутал, проведя ночь под открытым небом, – наконец сказал мальчик.

– Несомненно, отведу туда, куда скажешь, не дело ходить парню твоего возраста одному по лесу. Мало ли здесь разбойников шастает? Так-то, конечно, не шастают здесь вот именно. Но мало ли?

Спустя пару часов лес закончился. Они вышли на край широкого поля, заросшего высоким, сочным клевером. В середине поля располагалась деревня, без столбов электричества, без дорог. Колодцев и то не было, зато вместо них посередине деревни текла узкая в несколько метров речушка. Войдя в неё, Лууч увидел, как странно одетые местные аборигены подходили с черпаками и ведрами к реке и набирали воду прямо оттуда. Вдоль всей реки стояли забавные

одноэтажные деревянные дома с высокими крышами из такой же деревянной черепицы, све-
дёнными широкими конусами к небу.

Через речушку на другую сторону они прошли по полукруглому деревянному мосту из
плотно пригнанных друг к другу брёвен. Невооружённым глазом было видно: здесь живут
умелые плотники. Они прошли дюжину домов и остановились у свежевystроенного дома, по
такой же технологии, как и всё вокруг. Вошли во дворик, оказавшийся замечательным садом
из деревьев, кустов и прочих плодоносящих насаждений, и оказались вплотную к закруглён-
ной наверху двери.

Над дверью, на жилище Головуса, мальчик прочёл крупную резную надпись: «Здесь
живёт Головус Плеч, странник и следопыт, сын Ловчего Теруса». Внутри жилища стоял едва
уловимый запах еды. Головус сразу предложил перекусить с дороги, мальчик хотел ответить,
но в образовавшейся тишине его опередило громкое урчание в собственном животе.

– Вполне красноречивое согласие, – заметил Головус и предложил садиться за массивный
деревянный стол, стоявший в середине зала. Напротив места, где он сел, был аккуратно выло-
женный из разных по форме камней камин. В доме было всего два окна, тоже круглые. Они
располагались друг напротив друга, вполне достаточного размера, чтобы было светло. Позже
Лууч догадался: одно окно выходило на восход солнца, а противоположное на закат. В двери
тоже было маленькое окошко, и она располагалась на западе. Так что когда солнце шло своим
путём, луч света очерчивал всё помещение по дуге.

На столе хозяин дома выложил большой кругляш сыра, кувшин с молоком, бадью мёда,
тарелку, полную разнообразных орехов, среди которых Луучу показался знакомым только лес-
ной орех. Но он был каких-то неестественных размеров, аж со сливу. Потом хозяин извлёк из
специального шкафчика вяленую рыбу, овощи и прочую, ранее не известную, разнообразную
снесь. Живот мальчика снова напомнил о себе, а его рот наполнился слюной.

– Ну! – вступил Головус, усевшись на самый крупный, резной стул, по-видимому, пред-
назначавшийся главе стола. – Отведай моей кухни, Лууч. Лучшее, что есть для гостя.

После обильной обеденной трапезы мальчик допил остатки молока из фигурной глиня-
ной чашки, следом отодвинул пустую тарелку и выразил благодарность на всех известных ему
словах в этой области, а когда закончил, вспомнил – в карманах у него лежат те орехо-фрукты,
найденные в месте ночлега. Несмотря на разнообразие фруктов и овощей, хранящихся в доме
Головуса, таких, какие он нашел и употребил в пищу, точно не было.

– Вот, смотрите. Может, вы знаете, что это за плоды? Я вчера нашёл их в лесу и съел
парочку... Признаться, до поры никогда их не встречал, надеюсь, они не ядовитые, – с этими
словами он положил все фрукты на стол.

Откинувшись назад, на спинку стула, Головус в этот момент навалился на поручень и
продолжал жевать орехи, взятые предварительно в горсть. Стоило находкам мальчика кос-
нуться стола, он наклонился вперёд, перестал жевать и с нескрываемым интересом уставился
прямо на них, на мальчика, потом снова на плоды.

– Откуда они у тебя?! – с каким-то театральным удивлением и усиленным возбуждением
спросил мужчина.

– Из леса. Мы недалеко от этого места и встретились, – простодушно и скоро ответил
Лууч, а потом резко переменялся в лице и с ужасом полным сомнения голосом спросил. –
А что?! Они ядовитые?!

– Отнюдь, мой друг, отнюдь! Это бесценный дар, ты даже не представляешь, как давно
я их ищу в этих краях!

Глаза странника и следопыта по имени Головус медленно опустились вниз и сделались
стеклянными. Где-то глубоко в них сейчас разгорался огонёк, огонёк воспоминаний... Потом
зеницы его заблестели и оживились, он продолжил.

– Четвёртый год я живу в этом доме и каждый день отправляюсь на поиски этих самых плодов – Великого Пробуждающего Древа, но за всё это время мне ещё ни разу не удалось найти их, и тем более самого Древа. Я не из этих краёв и живу далеко отсюда: до моего родного дома, где живёт моя семья, жена и дочь, несколько месяцев пути, – он замолчал, грустно улыбнулся воспоминаниям и продолжил уже без тени улыбки. – Однажды, в моём родном городе Мализерн, в последний день лета, мы втроём пошли на прогулку за черту нашего поселения.

Погода стояла солнечная, и мы ушли далеко от дома, потеряв счёт времени. Был праздник, день Щедрой Сборницы, последний день до скорого сбора урожая. Все жители собирались под вечер и гуляли на виноградной площади с вечера до глубокой ночи, ведь по поверьям, чем длиннее ночь гуляния, тем лучше выдастся урожай, хоть и все понимали, что последний день ничего не решит, но таков был обычай предков. Праздник начинался к вечеру. Когда темнело, разжигались большие костры, множество факелов и ламп, на виноградной площади становилось так красиво, светло и уютно, что на это приезжают посмотреть со всей округи.

Солнце клонилось к горизонту, мы шли назад, но нас всё равно застали сумерки. Это ничего – в родных краях даже в полной темноте невозможно заблудиться, тем более если идёшь по более-менее прямой дороге. Мы уже почти пришли, слышали голоса собиравшихся на площади местных жителей, даже увидели свечение от сотен огней, сумерки уже совсем сгустились, как вдруг во время перехода последнего ручья вброд до нас донеслось тихое рыдание.

Я сразу определил направление и отправился помочь, оставив жену и ребёнка у самого ручья. В каких-то нескольких метрах, в высокой осоке, лежала темноволосая женщина. Она свернулась калачиком и горестно плакала. Конечно, я сразу успокоил её, помог подняться, взяв её под руки с Миловирой – так зовут мою жену. Все вместе мы отвели её в деревню. Женщина молчала всю дорогу и кого-то мне очень напоминала, но я никак не мог понять кого. Нам пришлось отвести её к себе домой.

Оказавшись дома, мы в первую очередь усадили её в мягкое кресло, положили на плечи плед и дали чашку тёплого молока с разведённым мёдом. Миловира убрала с её лица волосы (как выяснилось при свете, тёмно-рыжие) да попросила мою дочь разогреть ужин для гостьи. За прядями скрывалось чистое, без веснушек лицо и большие чёрные глаза, которые были обращены в одну точку на полу. Её бордовое платье оказалось опрятным, как и тёмно-синие туфли, новенькие, без пылинки, как будто только что надели. Всё это выдавало в ней женщину благородного происхождения. Только я всё не мог побороть чувства, что знаком с ней, но в упор не узнаю. На щеках женщины мы сразу увидели обозначенные блеском дорожки от слёз. На вопросы, как её зовут, где она живет, что с ней приключилось, она никак не реагировала. Чем больше она смотрела на меня, мою жену и дочь, тем сильнее лились её слезы. Я встретился со взглядом Миловир – и мы благоразумно решили оставить гостью одну, дать отдохнуть и просто прийти в себя. Сами мы зашли в нашу комнату, намереваясь там обсудить, как поступим дальше.

Не успели мы проронить и слова, как раздался звон бьющейся посуды. Я выскочил обратно и увидел мою девочку на полу... Рядом лежал поднос с разбитой тарелкой и её содержимым, «знакомой» незнакомки нигде не было, точно она испарилась. Припал к дочери – та лежала без чувств, с открытыми глазами, а взгляд был невидящий, точно чем-то затуманенный. Миловира, вбежавшая следом, увидев обмякшую дочь в моих объятиях, вскрикнула и бросилась к нам, но вдруг совершенно из ниоткуда появилась та рыжая незнакомка и сверлящими чёрными глазами уставилась прямо на неё. Вмиг глаза моей красавицы-жены тоже затуманились, ноги подогнулись, и она осела на пол, там, где была. В бешеной ярости я вскочил и, не владея собой, направился прямо к рыжей. Молниеносно вынес обе руки, чтобы схватить её, хорошенько тряхнуть и бросить о пол, даже коснулся кружевного платья, но пальцы прошли насквозь. И тут она словно исчезла, как будто её и вовсе не бывало в моём доме.

На этом рассказчик затих. В его выражении лица Лууч уловил глубокую печаль и наряду с этим полное спокойствие, некую отрешённость от произошедшего. Выходит, он имеет огромную внутреннюю силу, раз уже четвёртый год не опускает руки. Тем временем Головус вновь как будто ожил и продолжил.

– С тех самых пор мои любимые жена и дочь лежат на двух ложах в главной комнате родового дома. Глаза их постоянно двигаются, точно что-то всё время видят, а когда приподнимаешь им веки, понимаешь, что глаза эти невидящие, на них словно пелена из тумана, и всё это время они видят грёзы, бесконечные сны, мечты и видения. И нет средства в этом мире другого, способного вернуть человека из мира грёз, кроме как плоды Великого Пробуждающего Древа, но только чистый душой человек способен отыскать их в бесконечных просторах Синтейевского леса.

– Неужели не нашлось за всё время никого, кто способен пробудить их ото сна, доктора там или человека, владеющего гипнозом, или ещё чем в сходной сфере? – спросил Лууч, зачарованный рассказом.

– Не всё так просто, мой маленький друг. Конечно, первую неделю я приводил в дом всех местных эскулапов, но не было от них никакого толку, голубушки мои просто лежали, дышали и не реагировали на происходящее в комнате, даже на порошки и резко пахнущие препараты. Ни музыка, ни шум, ни лёгкие щипки или похлопывания по щекам не дают абсолютно никакого эффекта, хотя даже румянец остаётся! Это страшнее летаргического сна. Само собой, за ними постоянно ведут наблюдение, следят и ухаживают по очереди мои знакомые сиделки, – хозяин дома почесал подбородок и следом отвечал дальше. – Потом приезжали издалека хваленые и известные лекари, были и шарлатаны, но были и настоящие чаровники, только в итоге всё равно разводили руками.

А однажды, на второй месяц моих мытарств, заехал я в одну маленькую деревеньку прямо посреди леса. Дороги даже толковой нет мимо неё, а та, что есть, почти не утрамбована и местами заросшая, так что приходилось слезать с лошади и искать её временами. Показалась, значит, посреди леса домишка одна, затем другая, ну я и поехал в их сторону. Дай, думаю, дорогу узнаю, к городу Верхалу, мне там рекомендовали одного местного целителя, да сам на ночлег остановлюсь, если пустят. Коня тоже не мешало бы накормить, но в таких малых поселениях часто чужаков не пускают на ночлег, да ещё и с собаками прогнать могут.

Деваться некуда, в лесу темнеет быстро. Подъехал к ближайшему дому, спешил, постучал в дверь, слышу, внутри заёрзали, но открывать не стали. Отошёл, взял коня под уздцы, подхожу к следующему дому, в окнах тоже свет не горит, не успел у двери оказаться, вижу, на окнах шторы задёргивают. Развернулся и уже верхом последовал меж домов до самого конца деревни, домов-то немного, десятка два. А там поперёк единственный дом стоит, он же и последний, а в окнах слабо мерцает жёлтый свет, последовал к нему. Пока шёл в других домишках, по пути два раза дверью хлопали да шумели засовами – затворялись от меня, стало быть.

Я приблизился к единственному жилищу, источавшему свет, оглянулся: первых домишек уже не видать, так темно стало, так ещё и туман появился внезапно. Обернулся, вынул ноги из стремян, опять спешил, сделал пару шагов в направлении двери – и тут мне навстречу вышел седой старик с горящей стеклянной лампой в руке. Он приподнял голову на меня, ростом он был как раз на голову ниже, посмотрел и молвил:

– Заходи, добрый сын, весь вечер жду тебя.

Дал мне масляную лампу свою и молча указал на стойло справа. Дымок сначала зафырчал, но стоило мне взять его, отвести в стойло, – тут же затих и занялся зерном.

Туман уже загустел, как кисель, в полной темноте не стало видно абсолютно ничего. Приятная на ощупь цепь в ладони и тяжесть, на которой висела лампа, внушала уверенность, а мягкий свет озарял туманную тьму на пару шагов вокруг. Я закрыл ворота и вышел наружу. В этот момент меня охватил липкий страх, причины как таковой сразу определить не удалось, но

я чувствовал всем своим существом: мне не стоит отходить даже на пару ярдов от дома. Там, где только что стоял Дымок, из темноты донёсся шорох, потом подобие множества маленьких шагов... Я вовсе не из пугливых, но когда шорох сменился скрипучим лязгом, я, прислушиваясь к советам добросовестной интуиции, за пару мгновений попал на крыльцо, а оттуда внутрь дома. На этом шум сразу прекратился, а старик уже стоял в проходной с подсвечником с пятью горящими свечами и мягко улыбался мне. Его одеяние длиной до пола покрывало великое множество толстых верёвок, нитей, завязок и кожаных шнурков.

– Хорошо, что не пошёл на шум, – заметил старик. – Разувайся, у меня тепло, ковры, да располагайся, в ногах правды нет.

Внутри дома, под потолком, были развешаны причудливые конструкции самых разнообразных, а порой и совсем гротескных форм: в одной узнавалась птица, но странная, с человеческим лицом. Все они выполнены из каких-то верёвок, перьев, бусин, веток и прочих мелких деталей, разглядеть которые, проходя мимо, не удалось. Вместо пола в некоторых местах росла трава, настил просто-напросто отсутствовал, там лежали плоские камни. Старик велел ступать по ним и ни в коем случае не мять траву. Дойдя до основной жилой комнаты, он представился как Унтшар, предложил чаю и посоветовал оставаться минимум до восхода солнца, за что я его тут же поблагодарил. Мне велел располагаться по-турецки на резной скамье прямо напротив стола.

– К чужакам всегда относятся с подозрением, – объяснял старик, занимаясь посудой у открытого огня в печи. – Но основная причина – это обыкновенный страх перед опасностью, только что ты и сам в этом убедился. Ночью все жители Норсклы, так называется наша деревня, запирают двери, ставни и ворота, тем более не зажигают свет, чтобы не привлечь внимание.

Чай к этому времени был готов, и хозяин поставил его к прочим снациям на стол. Между нами стояли две крупные чаши, доверху наполненные ароматным травяным настоем, рядом с полным подносом выпечки.

– Есть у нас в лесу, сразу за еловой рощей, болото, много там пропало людей, опасные топи... Сначала за ягодами ходили, потом просто смельчаки, но никто не возвращался. Гиблое место. С тех самых пор туда ни ногой, все уже о нём знают, да только как люди перестали ходить к болоту, болото стало приходить к ним само, – рассказал старик главную новость.

– Значит, свет привлекает «лишнее внимание», – процитировал я его и, с опаской глядя на даже не закрытые деревянные ставни, потянулся за топором за спиной. – Что же это такое было? Болото?

– Охладей, Головус, – осёк меня Унтшар по имени, которого я ему доселе не говорил. – В мой дом без моего на то согласия никто войти не сможет. Лучше отведай угощенья, как подобает гостю, да расскажи, что привело тебя ко мне в столь поздний час.

Во время еды я внимательно рассмотрел загорелое лицо старика: скулы широкие, а слегка раскосые глаза разного цвета – один был зелёный, другой серый. Казалось, он смотрит на тебя то одним, то другим, причём внимание перескакивало с них поочерёдно, в то время как другой глаз, свободный от зрения, становился точно стеклянным. Волосы, седые до пояса, охвачены лентой по лбу и заплетены в подобие кос. Накидку он снял за столом и сидел в серой холщовой рубахе. Мы закончили поздний ужин; он подкинул в печь пару поленьев, и я подробно рассказал ему, куда направляюсь и что случилось с моей семьёй. Стоило мне закончить рассказ, он тут же наполнил наши чаши новой порцией ароматного отвара и сам завёл речь.

– Миловира и Вильгельмина здоровы и проживут долгие годы, а в грёзах или нашем мире, зависит только от тебя, – Унтшар сразу произнёс имена моих жены и ребёнка, хотя я их ему тоже не называл. – Есть одно снадобье – плоды Великого Пробуждающего Древа – встретить его просто так невозможно, специально искать не получится тем более... Плоды его пробуждают ото сна, а если человек не пребывает в грёзах сновидения, не спит наяву, даруют отведавшему их ясность и возможность видеть сокровища от большинства. Суть вещей предстаёт в ранее не

известном ключе, отчего жизнь отведавшего их круто меняется. Встретить Древо может только чистый душой человек, и не каждому оно явит себя, а тому, кто изо всех сил стремится найти его. У тебя будет выбор: отведать мудрости через плоды и проникнуть во многие потаённые тайны или дать их своей жене и дочери, потому что только одна возможность предоставляется человеку, повстречавшемуся с Древом. В ответ на мою скромную услугу я расскажу тебе о месте, где ты сможешь найти это Древо, далее всё зависит от тебя и твоей судьбы.

Он мне подробно описал, как выглядит Великое Пробуждающее Древо, и показал его плоды, правда не такие свежие, как у тебя, а сушёные, так что теперь я их не перепутаю ни с чем. Но за долгие годы я не встречал ничего подобного.

– Однако плоды подействуют только в том случае, если ты собственными руками собрал их с Древа, – оно должно дать как бы свое благословение. Или их должен собрать человек, знающий твою проблему и желающий бескорыстно помочь тебе с ней. В ином случае, если бы, например, я нашёл их у кого-нибудь и попробовал купить для тебя, или ты их купишь у меня или возьмёшь в дар, пользы от них будет не больше, чем от горсти орехов.

В этот момент я хотел достать всё немалое содержимое своего кошелька и высыпать на стол в знак благодарности, но как только я повёл руку к поясу отвязать его, он одним взглядом остановил меня, словно этим я бы обидел его до глубины души и изрёк:

– Ты и твоя семья приходили ко мне в сновидении две ночи назад. Сегодня я тебя ждал и специально зажёл лампу у окна, чтобы ты наверняка пришёл на свет в мой дом.

Тут снаружи дома прозвучал скрежет, похожий на то, как если бы человек недюжей силы взял вилы и провёл ими по стене дома, собираясь таким образом выгнуть в обратную сторону зубья. На этот раз я, не дожидаясь, ловко выхватил топор и привстал в изготовке, норвясь достойно встретить любого, кто проникнет в дом. Противный слуху скрежет перенёсся на стекло; по моей коже пошли мурашки, потом что-то ухнуло и с глухим ударом приземлилось на крышу дома. Но Унштар и глазом не повёл, а только поднёс указательный палец к губам, дунул на него и, раскручивая по спирали, поднял руку вверх, шепча «шшнемм, сннга, уснимм». Затем нечто, запрыгнувшее на крышу, дико завывало на всю округу, отчего у меня моментально застыла в жилах кровь... Следом оно будто скатилось с грохотом на задний двор и упало наземь. После этого я до самого сна не притрагивался к топору и чувствовал себя всецело защищённым в стенах домашней неприступной крепости.

На рассвете, за завтраком, старик описал мне подробно ещё раз, как выглядит Великое Древо и дал один сушёный плод его наудачу. Заодно поведал о местах, в окрестностях которых велел мне продолжать поиски, близ деревни Малахони, – это именно те места, в которых я сейчас живу и встретил тебя. Взамен же попросил об одной услуге: сходить на то самое болото, проклятое всеми, у кого не вернулся с него родственник, друг или просто знакомый. Да не просто сходить. С собой он дал мне полный мешок мёртвых птиц и грызунов! Каким образом он всё это насобиравал, я уточнять не стал.

К мешку приложил подробную словесную инструкцию, что мне с этим чудом делать, когда приду. Из всех знающих и умеющих людей, что мне советовали, ни один не смог помочь, и у меня просто не было иных вариантов, кроме как внимать советам мудрого старца Унштара. Диковинный случай встречи с этим стариком вязался странным образом с тем, что я искал, ведь внутренне я чувствовал, что это как раз правильный выбор, и я иду по своему пути. Точно так же и твой путь свёл тебя со мной. Понимаешь, Лууч, этот непростой старик дал мне надежду, тот призрачный шанс, за который я ухватился двумя руками!

Ухватился двумя руками, закинул на плечо и понёс на болото и злополучный мешок с мёртвыми зверьками. Утренний туман заволок всю видимость. Во все стороны от дома старика петляли дорожки. Чуть углубившись, они сначала таяли, а потом и вовсе пропали. Следы-то я хорошо различаю, да вот туман стал подобен молоку, в аккурат заполняя всё пространство,

даже под ногами. Дыханием я чувствовал его влажность. Несмотря на достаточное количество одежды, он всё равно проникал до самой кожи, похищал моё тепло.

Унштар уверил утром за чашей горячего настоя с ложкой мёда, что в лесу безопасно уже сейчас, а когда станет ещё немного светлее, он отправит меня и покажет нужное направление позади своего дома. С его указания я сразу взял направление и уверенно пошёл вперёд, куда он мне показал. Чем дальше я удалялся от дома, тем сильнее клубился треклятый туман, его плотность буквально скрывала даже самые близкие деревья и кусты, и мне пришлось замедлить шаги, чтобы лбом не встретиться с деревом. Направление я по-прежнему уверенно представлял, несмотря на любой туман или темноту, это у меня врождённое.

Замелькали с близкого рассмотрения ёлки, а потом кроме них совсем ничего не осталось – чёрные, как сажа, с острыми ветками. Я переживал, что одна из них порвёт мой мешок и придётся собирать ношу руками. В какой-то момент под ногами легонько зачавкало – низина. Сапоги мои не пропускают воду благодаря специальному охотничьему составу из нескольких видов смол и воска. Да вот уже и весь путь из маленьких луж превратился в сплошные омуты с редкими кочками и островками суши. В некоторых местах мне приходилось идти по колено, а то и по пояс в воде. Показались первые берёзы во мху, сгнившие, как и всё на этом болоте. Тьма рассеялась, и в лёгкой полутьме стали видны берёзы с лёгким голубоватым отливом – такой цвет им придавали желеобразные грибы, поросшие от основания до середины ствола. В голове прозвучали слова старика: «Дойдёшь до голубых берёз – начни искать крупные островки суши». Вынимая из мутной воды колени, я последовал к ближайшему островку, закинул мешок с половину моего веса и следом взобрался сам.

Отдышался, осмотрелся. Место подходящее, дальше следовали всё примерно такие же островки, а вода собиралась в основном в малые и большие непроницаемые омуты. Снял с плеча моток верёвки, достал нож и порезал её на разной длины куски. Средний отрезок, на уровне груди, привязал двумя концами за стволы более-менее прочных берёз. Следом развязал мешок, резко отпрянул от ударившего по ноздрям запаха, сдержал рвотный позыв. Надел кожаные перчатки, привязал первую тушку птицы за лапу, и так на каждую верёвочную растяжку от трёх до семи тушек, в зависимости от расстояния между деревьями на каждом островке. К этому времени туман немного разрядился. Немного забирая вправо, как велел Унштар, мне удалось подвесить около двух дюжин растяжек – жутко это, должно быть, смотрелось со стороны!

Заканчивая последнюю растяжку, я услышал невдалеке плеск воды, именно в том месте, где я начал вешать эти жуткие и отвратительные гирлянды. Не сильно отвлекаясь, занялся последней растяжкой. Мешок заметно опустел и стал почти невесомым по сравнению с тем, каким был в самом начале. Плеск повторился в тот момент, когда я вывалил оставшееся содержимое ноши наземь, – мне оставалось подвесить ещё четыре тушки. Повторился ещё раз, и ещё, и ещё... Я бросил остатки верёвки, мешок и кинул в сторону дохлую речную крысу, что держал в руках. Естество моё запросилось обратно, и я не стал мешкать ни минуты. Достал приготовления старика – стеклянные колбы и пару тряпичных кулей. Зачерпнул из соседних омутов мутной, почти чёрной, густо пахнущей торфяной воды да набрал под завязку в кули выующейся травы с голубыми цветочками в один и корней оранжевых болотных цветов в другой.

Плески воды участились. Водяной «плюх». Совсем близко. Вскочил на ноги. Вдгонку участвовавшим плескам добавился хруст костей, хрип и словно жужжание, напоминающее «Взжжиррррззз». Присмотрелся – там что-то маячило, как будто прыгали собаки и пытались ухватить мерзко пахнущие подвесы. Только сейчас, с платком на лице, я ощутил чуть ли не кожей, какое сильное зловоние распространилось на всю округу, что наверняка и привлекло местных обитателей, встречи с которыми сейчас мне меньше всего хотелось.

«ВЖЗЖЖИРРЗЗЗЗ...!» – раздалось сбоку от меня, и я развернулся к направлению звука всем телом. От увиденного у меня похолодело всё внутри. Из чёрной воды прямо мне в глаза

установилась мерзкого вида тварь серо-бурого цвета. Вероятно, это было только головой... Белков в глазах не было вовсе, сплошные мутно-зелёные круглые глаза со сливу, и сразу под ними раскрытая пасть с плотным рядом множества тонких, но острых зубов. Тварь подплыла ближе, залезла на край островка и предстала во всей красе.

Продолговатое тело размером с полено постояло на тонких, коротких клешнях, оценило шансы и, слегка разогнавшись, прыгнуло в мою сторону. Недолго думая, я реактивно выхватил этот самый топор и, уйдя в сторону с траектории полёта твари, с короткого маха параллельно земле рубанул ей в пасть. Затрещали ломаемые зубья, жвало треснуло, и верхняя часть головы повисла на кончике топора, уродливое тело продолжило полёт и плюхнулось в омут с другой стороны островка. Не успели круги разойтись, на том же месте, вильнув плавниками, заплескались такие же твари... Вероятно, они принялись поедать собрата.

Со словами: «оно мне надо?!», я что было сил, рванул в сторону ближайшего островка, оставив последнюю гирлянду недовершенной. Обернулся на ходу и увидел, как те создания уже выбрались на сушу и грызут плоды моей работы. Несложно было догадаться, что приманил всех этих созданий именно тяжёлый дух с гирлянд. Глядя, как уверенно они чувствуют себя в воде и на суше при, казалось бы, неудобном строении, я вспомнил, по каким местам только что шёл в воде. По спине пошёл холодок, волосы на голове задвигались, и показалось даже поменяли цвет на пепельно-белый.

Ободрённый местной фауной, я помчался по всем попадающимся клочкам суши, по-прежнему, как велел старик, забирая вправо и делая крупный полукруг по местности, намереваясь попасть точно в спасительную еловую рощу. Налегке ноги напряжились, усталости и тяжести от промокшей холодной одежды, как и не бывало, местами, где суша кончалась, мои прыжки достигали завидной длины, чего прежде за собой я никогда не наблюдал. Но все мои старания по выбору маршрута всё равно сходили на нет.

Впереди был последний рубеж из очень маленьких и редких кочек, поросших болотной невыразительной травой. Сдержать вес взрослого человека они точно не смогут, разве что мелких зверьков, коих тут и не водилось по известным причинам. Сплошная застоявшаяся мутная вода. Мои опасения прервал очередной плеск воды где-то далеко сзади. Большинство омутов, судя по всему, сообщались между собой под водой, потому как с пяток тварей пустилось за мной вдогонку, не вылезая из воды. Самые шустрые преследователи раньше всех успели отвести принесённых гостинцев от старика, вдобавок враз дружно застрекотали, но мне уже было не до них.

Холодная вода ударила в лицо сильными брызгами. Вода не успела сомкнуться плотным кольцом вокруг коленей, как у меня открылось второе дыхание, ноги понесли меня с такой быстротой, будто воды вовсе не было. Из-под сапог вылетали водоросли, частицы ила, мутные брызги. Вскоре вода достигла живота – лишь в этот момент все движения завязли, скорость упала. Моё преимущество таяло, как масло на раскалённой сковороде. Земля окончательно ушла из-под ног; вплавь дело пошло лучше, но перспектива встречи с преследователями на глубине уверенности совсем не придавала, скорее наоборот. Яростно гребя, я даже вспомнил детство, как с мальчишками на скорость плавали через реку... В этот раз ценой победы была жизнь, а не право называться главным пловцом. Берег с уже милыми голубоватыми берёзами, поросшими мхом, маячил в спасительной близости.

Назад не оглядывался, не слышал и не видел ничего, что происходило сзади, из-за собственного шума, но интуитивно чувствовал – опасность близка. Вот уже так близко, вот же он берег, рукой подать, как вдруг из воды стало подниматься нечто объёмное и гладкое. По показавшимся из воды мутным, но очень тёмным зелёным глазам стало очевидно: за мной гнались малые детки... Настоящее чудовище с уродливой длинной шеей, определенно их родитель, выросло из болотной мути прямо перед самым носом на пути к спасению. Жуткого вида челюсти на приплюснутой голове оскалились и зачавкали. Жабры, присоски, выпученные глаза.

Ракоподобная архитварь с высоты в несколько метров, не говоря о самом туловище, скрытом в воде, недвусмысленно, плотоядно смотрела на меня.

Носок сапога упёрся в илистое, мягкое дно. Пара шагов. Прибрежная отмель. Хитиновые клешни, не такие как у мелких сородичей, а огромные, с голову грузовой лошади, пощёлкивают и двигаются в мою сторону. Топором тут не отмашешься, особенно стоя по пояс в воде. Нога согнулась в колене, рука заскользила по правой ноге, погрузилась в сапог, вытащила тяжёлый нож. Мощный мах из-за плеча. Лезвие проходит между почти дотянувшихся до меня клешней, архитварь не успевает моргнуть (если вообще на то способна), а острое жало массивного ножа легко проникает в мутный и вязкий глаз монстра. Клешня сильно и судорожно бьёт по воде, лопнувший глаз фонтанирует слизью во все стороны. А я из последних сил толкаюсь о дно и, проплыв короткий отрезок, который кажется вечностью в миниатюре, оказываюсь на мягкой почве, среди прекрасных голубых берёз.

Самый шустрый из остальных потомков раненного в глаз чудища выскакивает следом за мной, но вместо жилистой плоти в челюсти получает дюжий удар в ещё не сплюснутую макушку обухом топора. Хруст разбитого черепа не останавливает остальных, нападающих следом, но этого и не нужно: махать топором тут – всё равно, что колоть годовалых бычков башмачным гвоздём. Всё оставшееся разъярённое семейство в сборе: примерно около дюжины особей, включая самого крупного раненого, бросается следом за мной. Но куда им с такой скоростью, на тонких ракообразных конечностях за напуганным двуногим, бегущим галопом по чаще густого леса?!

Когда я вернулся с выполненным заданием, старик дал мне карту со всеми указателями и метками, как добраться в место, где мы с тобой сейчас находимся, с убедительным напутствием искать Великое Пробуждающее Древо в этих краях. Так я и нашёл тебя, вернее, ты меня.

При всём при том – утро ночи мудренее. На этом и закончим мой рассказ, завтра нас ждут с тобой занятные дела, тихой ночи, Лууч.

– Тихой.

Глава 4

Лууч проснулся не то от крапающего по капюшону раннего дождя, не то от нахлынувшего предчувствия некоторых событий, напрямую связанных со вчерашним днём, обернувшимся теперь ночёвкой на макушке массивного дерева. Возможно, его разбудило яркое сновидение, вернувшее его в далёкое, уже кажущееся не своим детство. Оно напомнило, как он попал в этот мир. Спина и ноги затекли от непрерывного лежания в толстых, плотно переплетённых ветвях, обросших мхом и выюнами. До его слуха донеслись шаги, а вернее, шум от передвижения группы людей.

Семь, нет, девять человек. Идут слаженно, в такт, сплочённая команда. Судя по силуэтам, все с короткими арбалетами наготове. Хитрецы. Так ходят охотники. Охотники за головами, в данном случае за моей. Пошевелился неторопливо, повернул голову в сторону приближающихся утренних гостей. Утренний сумрак, туман, густая крона листьев – ничего не видно ни с одной стороны, ни с другой. Да и кому взбрёт в голову искать кого-то на змеином дереве, прозванном так за свою способность притягивать к себе на ночёвку всех ползучих гадов с округи, в том числе ядовитых и очень ядовитых? С детских лет водилась за мной особенность странным образом понимать змей и им подобных, а главное, ладить с ними, ну а после плодов Великого Пробуждающего Древа чувства только обострились.

Вода стекла со складок плаща и попала на лицо. Холодная влага взбодрила и сняла остатки сновидения окончательно. Плащ очень вовремя был приобретён давешним вечером в городе Вулверс-Сорфа при Королевстве Его Величества Акриустиана за весомую, но оправдавшую себя сумму в пять золотых гултсов. Изумительно хороший плащ! Всю ночь калачиком лежал под дождём на сырых холодных стволах, а проснулся в тепле и абсолютной сухости.

Наёмники – древнейшая профессия, люди рождаются, умирают, и кому-то нужно помогать умирать, тут-то и приходят они, люди – волки. Всё просто, никаких иллюзий, я или они. Шли за мной от самого Вулверс-Сорфа. С парой хороших следопытов. Медленно идут, в темноте потеряли след, но рассвета не дождались – видать, много им обещано за мою голову. Дождался, пока прошли подо мной и удалились ярдов на шестьдесят. Всех нас встретил полесному влажный утренний сумрак. Я плавно приподнялся и беззвучно потянулся, разминая мышцы. Снял с плеча лук, достал одну стрелу, положил паз на блёклую тетиву, взглядом поймал силуэт самого последнего идущего охотника. Как говорили древние, лучшая защита – это нападение.

Полный вдох, выдох. Благодаря усилию мышц взвёл оружие и спустя три удара сердца мягко отпустил стрелу. Особенностью накануне купленного вместе с плащом лука, по легенде продавца, была его бесшумность. Символы, начертанные по всей его поверхности, тщательно скрадывали выстрел, позволяя оставаться стрелку незамеченным. Дуги вернулись в исходное положение, так же беззвучно вошла стрела между лопаток охотнику, отчего последний стал заваливаться в кочки со мхом. Оперение следующей стрелы уже щекочет щёку. Выстрел. Идущий впереди наёмник получает такую же смертельную порцию на завтрак в спину и, пройдя по инерции пару шагов, падает на колени, брякнув тяжёлым арбалетом оземь. Идущий слева от него напарник что есть прыти разворачивается на месте и, подняв арбалет к плечу, находит меня взглядом, но уже слишком поздно: стрела проходит насквозь его голову через глазницу.

Не интересуясь, что с ним будет дальше, неимоверно быстро приседаю. Надо мной просвистывает пара болтов, один застряёт в стволе, точно там, где была сейчас моя драгоценная голова. В спешке покидаю ночное прибежище и прыжком оказываюсь на соседнем молодом дереве без сучков. В обнимку со стволом скольжу вниз, ещё три болта проносятся тут и там, заставляя вжать голову в плечи и уповать на растущую скорость земного притяжения. Добрые влагозащитные сапоги из обработанной по всем правилам тёмной замши лучшими ремесленниками вышеупомянутого города – смачно врезаются в мягкий дёрн. За цену в три гултса в них по лучшим мостовым дворца ходить, а не землю топтать в лесу... Перекат вправо и назад. Бегу нагнувшись в три погибели под защитой травы и мелкого кустарника высотой по грудь в противоположную сторону от преследователей. Отбежал ярдов на семьдесят, опустился на колени, сделал несколько глубоких шумных вдохов-выдохов, закрыл глаза, затих, весь обратился в слух.

Шелест продолжающего идти моросью дождя окутал всё своим мерным шёпотом. Лес просыпается, делает первый вдох, хладная свежесть обдаёт лицо и руки. Как приятно просто дышать! Донеслось пение птиц. Голосистые переливы тут и там разносятся со всех сторон, будят других лесных жителей. Чуть впереди притаилась куропатка. Такая у них натура – сидеть до последнего, переживает, когда уйду. В паре шагов растягиваясь ползёт змея с ночной охоты, возвращается в нору. Осторожная двуногая поступь. Один чуть впереди всех, самый медленный шаг. Двое чуть поодаль, по сторонам, за ним, прикрывают, надо полагать. Ещё двое неслышимо крадутся вместе дальше всех. Последнего не слышно вовсе, затихарился, видать, главный у них.

Даю подойти поближе первым трём. Не поднимая век, приспособливаю лук. Стрела наготове, ещё пара шагов... Наконечник уже смотрит в сторону ближайшего хитреца. Пора. Стрела, раздвигая и срезая стебли травы, разбивая капельки воды на своём пути, устремляется в путь.

– Аммм... – доносится тихий стон и сочный звук попадания в бедро.

Охотник падает в траву, но – какая выучка! Стоически замолкает. Лук в сторону. Смещаюсь перекатом вправо. Один болт прощупывает пространство, в котором я только что находился, но, не найдя живой цели, с чавканьем глубоко заходит в землю. Бросаю горсть земли в куропатку. Птица, получив заряд сырой земли, бранится на весь лес и издаёт одни только ей понятные крики ужаса и возмущения, взмывает ввысь с неимоверной быстротой. Нашупываю

на бегу эфес меча. Не высываясь выше уровня травы, в несколько длинных скачков оказываюсь лицом к лицу с перезаряжающимся горе-охотником. Длинный резкий мах – и остриё меча рассекает горизонтально грудь арбалетчика. Он судорожно дёргает короткий меч на пояс, но сила жизни уходит из его руки, из тела, из глаз; взгляд меркнет, тело падает назад.

Меч в сторону. В этот же миг руки достают из широких кармашков на поясе метательные звёзды, по штуке в каждую. Мгновение затишья, и я взываю что есть прыти вверх, со всей проницательной точностью. Кидаю их с двух рук в нацеливающихся на меня охотников. Звёзды раньше вонзаются в горло, в лоб двоим ближним от меня бойцам. Камнем падаю вниз и с изящностью ящерицы бегу зигзагами, сильно пригибаясь на последнего стрелка. В руках уже холодеют пальцы звёзды. Мелькаю над травой одной головой и тут же маятником уклоняюсь в сторону, метнув при этом одну звезду, затем сразу вторую. Ловкач прикрывается арбалетом, не обращая внимания на торчащую из ложи первую звезду, ловко заряжает новый болт, но с уже вошедшей в плечо второй. Незначительная, на первый взгляд, рана даёт о себе знать, когда он взводит оружие. Лицо искривляет боль. Задержка в долю секунды – и последняя моя в наличии звезда жирной точкой подводит конец поединку, точно прилетев ему в область сердца.

В полной тишине и сосредоточении, словно на охоте, доползаю до оставленных меча и лука. По ходу движения занимаясь несложными рассуждениями, прихожу к выводу, что я остался один. В горячке боя совершенно потерял даже примерное местонахождение! Присел на пару минут. Прилёг. Минуло ещё немного времени. Так можно всё утро пролежать. Мечты-мечты... Аккуратно приподнялся, обшарил тела, попутно выудив у них кожаные кошельки с монетами и ссыпав всё в содержимое в два из них, ибо в один не влезло, затем проследовал в молодой, но густой ельник, выпрямился в полный рост и спустя несколько мгновений приметил знакомый силуэт, примостившийся спиной к деревцу. Бедняга качественно перебинтовал себе полбедра невесть откуда взятыми зелёными тряпками. Там, где нога была оголена, кожа отдавала нездоровой синевой и чёрными венами. Виновница торжества – сломанная стрела, поблёскивая синим наконечником, лежала рядом. Заряженный арбалет он пристроил на здоровой ноге. Обойдя его полукругом и подкравшись, что было нетрудно, учитывая его натужные хрипы и отвлечённое внимание, я плотно приставил к его горлу изогнутый засапожный кинжал.

– Хххкк... – односложной реакцией ответил раненый наёмник.

Глаза его забегали, внутреннее чутьё уверенно твердило: это конец. Я не стал выжидать театральную паузу и выдал:

– Хочешь жить – говори. Кто такой, куда шли, откуда и зачем?

– А смысл, бродяга? Мой исход очевиден.

– Отнюдь, твой исход куда более страшен, чем если бы я применил этот клинок по назначению, – парировал я, забирая его амуницию и устраиваясь с его же взведённым арбалетом напротив. – Видишь, какой необычный цвет приобретает твоя нога? По глазам вижу, что да, можешь дальше не отвечать. Так вот, наконечник стрелы, которую ты бесцеремонно испортил в моё отсутствие без моего на то разрешения, был намазан ядом всем мало-мальски образованным господам известной змеи под названием «Синяя мерзавка». Вижу-вижу по морщинам на лбу, ты с ней заочно знаком, а значит, не удивлён своим симптомам: онемение конечностей, жар, холодный пот в три ручья, сменяющийся ознобом, лихорадочное состояние... Но это только пока. Яд имеет коварное свойство – оставлять в живых свою жертву, но оставлять парализованной, пока смерть не наступит естественным путём в результате многодневного обезвоживания, например, или чего похуже, беря в расчёт особенности данной местности с её многообразием флоры и фауны.

Ужаленный моей стрелой охотник прислушался к ощущениям. Самые страшные ожидания и опасения подтверждались болезненными ощущениями во всём теле. Я тем временем продолжал нажим.

– Твой бравый командор бросил всех вас, речи об отмщении и быть не может, посуди сам: пока он доберётся до города, пока объяснит ситуацию, пока соберёт новую команду, пройдёт пара дней. Меня тем временем днём с огнём будет не сыскать, да и дадут ли ему, так глупо потерявшему восемь человек, собрать новую команду? Голову оторвут да повесят на позорный столб. Остальным в назидание, – моя речь имела бы больший успех, если бы его сознание не стало плавать на тонкой границе между реальностью и полной отключкой от боли, переполнявшей его мышцы и органы. – Или я ввожу тебе противоядие, которое растёт у меня под ногами, и даю уйти целым и невредимым, не беря в расчёт рану на ноге. Твоя смерть мне уже не нужна. Слово честного человека.

Я добро улыбнулся, не зная наверняка, что в итоге может возыметь успех: сила убеждения или моё природное обаяние.

– Твоя взяла, – из последних сил молвил почти шёпотом охотник. – Я рядовой боец из клана наёмников «Серые волки». Вышли за тобой вчера, из своего логова в Вулверс-Сорфа, как только ты покинул трактир «Медленный шторм». Шли за твоей головой, за живого назначена награда пять тысяч гултсов, за мёртвого три. Главное условие – голова должна быть в сохранности. Это всё, что ты хотел знать?

Сказав это, наёмник закашлялся, так как во рту у него пересохло от длинной тирады.

– Имя главаря?

– Вольдер, – уже просипел боец. Глаза закатились, а на бледном лице проявились чернеющие сосуды.

Я неторопливо отложил на всякий случай его не шибко дорогое охотничье оснащение: арбалет, короткий меч и короткий боевой топорик. Огляделся, под ногами насобирал мелкие листья душисто пахнувших мелких зелёно-голубых цветов, зовущихся ряской. Получили они своё название за яркий цвет и повсеместное произрастание, подобно своему прародителю – болотной тине. Намял горсть собранных листьев в ладонях до состояния кашицы, уложил одной рукой пленника на спину и закапал выдавленный сок ему в открытый рот. Вытер одну руку о его повязку и своим кинжалом вспорол её, укладывая другой рукой остаточный жмых по всей поверхности раны.

В его походной сумке отыскал немного воды и сушёную рыбу, всё оставил раненому. Оружие разложил на траве, поодаль, но чтобы он его увидел, когда очнётся. Вроде бы всё. Надавил ему большими пальцами на надбровные дуги, растёр. Вскоре спасённый пленник очнулся.

– Как я и обещал, ты жив. Через пару часов уже сможешь подняться и сделать себе костыли, чтобы доковылять до ночи обратно в город. Если нога дорога, обмотай чем-нибудь рану поверх сырой накладки из листьев. Твоё снаряжение в целости и сохранности, потом заберёшь. А вот тебе на эскулапа, как прибудешь обратно, – слова я подкрепил брошенными в его сторону поднятыми у покойных бойцов увесистыми кошельками, и он тут же словил их на лету – вот что значит хватка наёмника! – Это тебе на первое время, ты же ведь понимаешь, что не следует возвращаться к своим после всего случившегося. Вольдер списал тебя, как расходы, возможно, изменил сценарий своего поражения, а если ты объявишься со своей историей, очевидно, кому первому из вас не поздоровится.

На лице бравого охотника за головами, совсем недавно намеренного не брать меня живым, проступили сразу две эмоции: благодарность и недоумение. В целом они напомнили детское выражение, когда ребёнок над чем-то вдумчиво размышляет, но до конца не понимает природы явления. Убрать эту жёсткую проступающую бородку с лица, закрыть шрамы – и выяснится, что вполне себе суровый наёмник внешне за мгновение помолодел лет на пятнадцать. Я заулыбался про себя такой особенности собеседника, но, не выразив эмоций, продолжил.

– Теперь, как видишь, наши пути диаметрально расходятся, мне пора.

После моих слов его лицо стало уж совсем выразительным. Пока я вставал и собирался уходить, его губы подёргивались, как нити паутины, натянутые ползущим за мухой пауком, будто он хотел что-то сказать, но не мог по непонятным никому причинам. Я уже отошёл на достаточное расстояние, но тут разобрал произнесённое им тихое «спасибо», хотя мне могло и показаться. Чего только не услышишь в утреннем лесу, когда так радостно поют все птицы вокруг, а листва на деревьях шумит, сливаясь в унисон, подобно шелесту волн о песок и гравий на берегу очень крупных озёр. Где ничто не важно, а заботы уходят далеко за горизонт, открываются новые виды на жизнь, только на другую жизнь, не эту... Ведь момент единения с природой, где только ты и абсолютная, непостижимая её глубина, лучше любых мечтаний и ожиданий!

Но не о том я размышлял. По крайней мере, с текущим раскладом отвлечение на подобные темы притупляет чувство опасности. Расслабляться некогда, пока за мной гонятся все, кому не лень. Следующий шаг – найти лошадь, припрятанную на другом конце леса в лачуге, бывшей когда-то охотничьим домиком. Не буду медлить. Упущенный главарь наёмников мог оставить по выходу из леса парнокопытное, и даже целую упряжь, что делает его ещё более опасным противником, если мне не удастся разорвать приличную дистанцию между ним и новой сворой приспешников, жаждущих лёгкой наживы.

Глава 5

Только за окном стало светать, мальчик проснулся, спрыгнул с высокой даже для взрослого кровати в отведённой ему на ночлег комнате, потянулся, широко зевнул и, потирая глаза кулачками, выглянул в круглое окно. Солнечные лучики тут же забежали по его лицу.

Вышел на кухню-гостиную. Ноздри защекотал свежий запах нарезанных спелых и сочных фруктов. Свет заливал комнату через восточное окно. Падая на стол, он создавал длинные причудливые тени зверей от глиняных чашек, тарелок, кувшинов, самих выполненных в форме разных животных.

– А вот и ты, мой юный друг. Запрыгивай скорей за стол! Как только лучи солнца падут вот на эту картину, мы пойдём к шаману. А пока приятного аппетита.

Головус указал рукой на картину, где изображено было поле с растущими хаотично молодыми деревцами в белом цвету, скорее всего вишнями. Затем он пододвинул к мальчику крупную кружку в форме козы, у которой вместо ручки своеобразно загнулись «рога», отчего держать её было в руках особенно удобно. В ней оказался чай из ароматных трав и сухофруктов неизвестного происхождения.

– Угуммм, – ответил ему Лууч, кивая с полным ртом.

Он поглощал дольки чудного фрукта, напоминающего по вкусу нечто среднее между переспелой алычой, кокосом и гранатом. Разумеется, ничего подобного он не пробовал в жизни.

– Смотрю, тебе понравились ягоды райского дерева, – улыбаясь во все белые здоровые зубы, ответил Головус. – Ну, последую твоему примеру.

Договорив это, гостеприимный друг мальчика зажевал огромный кусок прямо с голубоватой кожей.

После фруктов ещё был сыр с дырками (размер которых позволял без труда просовывать туда один или даже два пальца), маленькие зелёные сладковатые орешки и вкусные белые пастилки, чьей рецептуры мальчик даже не стал уточнять, наслаждаясь вкусом.

– Ты достаточно плотно поел? – спросил Головус у Лууча.

– Да, весьма сытно и вкусно. Но откуда у тебя такие разнообразные запасы продуктов? Мне интересно узнать их происхождение и места произрастания. С другой стороны, это не так интересно, как прогулка до шамана по этой поразительной деревне... Посему я готов выходить прямо сейчас!

– Отлично, мне нравится твой настрой. Так не будем терять ни минуты. В путь, мой юный друг. Навстречу истине! – на этой фразе Головус поднялся из-за стола, быстро раскидал посуду с пищей по местам, а остатки накрыл широкой расписанной узорами тряпицей, напоминающей плотную марлю.

Он прошёл к двери на улицу, махнув рукой в знак следовать за собой. Во дворе мягко шумели плодовые деревья, птицы порхали и чирикали. Мальчик лучше рассмотрел обстановку: вот показалась дровница с аккуратно выложенными рядами дров, колодец ромбовидной формы, сложенный из крупных округлых белых и серых камней, скорее всего, натасканных с реки – места их первой встречи. Они вышли за пределы сада, и Луучу почудилось, что он слышит словно пение множества колокольчиков, не имеющее определённого источника звука, будто оно рождалось у него в голове. Затем друзья выдвинулись по уплотнённой каменистой посыпью дороге, между домами, вглубь поселения. С противоположного края деревни доносились удары молота о наковальню. Вскоре по краям извилистой дороги выросли ряды очень широких, но невысоких деревьев.

– Смотри, это светящиеся деревья. С наступлением сумерек они начинают светиться, и чем темнее на улице становится, тем ярче они горят, – посвящал Головус мальчика в тонкости местной флоры.

– Очень интересно, – ответил Лууч, и у него внезапно пересохло во рту, а руки мелко задрожали, как если бы он нёс тяжеленные камни всю дорогу, даже кисти очень устали.

– Но самое интересное, они не только светятся (свет у каждого дерева свой), так ещё и отпугивают всякий гнус. Так что умён тот хозяин, что строит дом рядом с таким деревом, пусть даже в небольшом отдалении. Не смотри на меня так, будто я по глупости живу далеко от этой рощи, у меня на заднем дворе есть несколько молодых саженцев: синий, розовый и белый – они-то и спасают вечерами от надоедливых насекомых. В период дождей их становится очень уж много. Вот сейчас, например, – он невзначай повёл рукой по округе. – Совсем мало гнуса, жара и сушь уморила их. Ни одна плотоядная тварь не любит тепла и света! Место ей во тьме и сырости, так что обходи стороной пещеры, глубокие овраги и тому подобные места. Убережёшься от опасности. Ничего нет сложного в том, чтобы соблюдать это простое правило в путешествии, ведь места здесь дикие, как ты заметил.

– Удивительное место Головус.

Словно подтверждая слова Головуса, под ногами в траву быстро переползла светлого окраса змея. Чёрный, оранжевый и красный орнамент по всей шкуре наглядно говорил о её возможной ядовитости. У Лууча обострились ощущения, и дрожь в руках сменилась холодком, словно он держал в ладонях эту змею. Он даже приостановился, змея тоже остановилась и сквозь траву смотрела прямо на него, высунув раздвоенный язык. По необъяснимому желанию ему самому захотелось высунуть язык, что он и сделал. Контакт будто бы усилился, змея даже тихо зашипела, но мальчик решил не обострять конфликт и побежал за Головусом. Тот же, не замечая его временной пропажи, говорил всё это время с ним.

– Как и все жители нашей славной деревни, я ценю хорошее отношение гостей к ценностям, ритуалам и обычаям, свойственным каждому подобному населённому людьми уголку. Вот мы и пришли! Что скажешь, дружище?

Лууч смущённо поднял глаза на открывшийся виду одинокий дом на холме, рядом с высоким ветвистым деревом. От самого дома было видно только черепичную крышу второго этажа. Всё остальное закрыла невысокая поросль более молодых деревьев.

– Да, я со всем сказанным согласен, – отделался мальчик и ойкнул, услышав знакомое шипение за спиной.

Головус было загородил собой мальчика. Взял ветку из-под ног, чтобы отогнать приставучую змею, однако храбрый Лууч вышел вперёд него сам. В упор глядя на безногую бестию, грозно сказал:

– Иди домой, цветастая!

Его словам Головус удивился больше, чем змея, коей и адресовал указание мальчик. Но та покорно сникла, развернулась и неторопливо уползла обратно в траву.

– Как нельзя вовремя я привёл тебя к шаману, Лууч! – среагировал поражённый мужчина. – Твой трюк со змеей окончательно убедил меня, что ты очень необычный ребёнок для наших мест.

Забравшись без особых усилий по вымощенной тропинке вверх по склону, они очутились в саду буйно растущих деревьев, кустарников и травы в полтора раза выше Головуса. Растительность имела на своих вершинах великолепные сгустки алых цветов, похожих бутонами и лепестками на шафран, но почему-то пряно пахнувших кофе, с оттенками корицы. Тут Лууч опять вспомнил про родной дом и своих родителей – они по выходным у себя на кухне варили свежемолотый кофе, а его аромат заполнял все уголки жилища, от него было невозможно спрятаться. Только сам Лууч его никогда не пил, уж очень горький он был на вкус. Волна ностальгии ушла так же быстро, как и пришла, стоило им углубиться дальше в дебри.

Пройдя ещё немного, они слышали знакомый звон колокольчиков, а затем приятное густое зычное пение, сменяемое горловым. Заросли закончились внезапно, словно остановившись у невидимой черты, по кругу отделяющей дом. На поляне с короткой травой возле дымящегося пепелища, сидел скрестив ноги шаман, укутанный в зелёную мантию с огромным количеством пришитых к ней разноцветных ленточек, листочков, бус и прочих диковинных атрибутов. Он держал в одной руке тройной колокольчик, позвонкивающий на разный лад в зависимости от того, в какую сторону он его потряхнёт. В его длинные белые волосы были вплетены многочисленные перья, изделия из металла и медвежьих когти. Другой рукой он достаточно часто выбивал определённый ритм на бубне, зажатом между колен. Мужчина с мальчиком подошли и сели на траву напротив него.

– Эйиййяяяяэээээээээ! – чуть погодя шаман закончил песнь на длинной артикуляции в горле, расставил руки в стороны, набрал воздуха в грудь и сильно дунул в пепелище перед собой. Огонь вспыхнул ярко и сильно, точно плеснули масла, однако никого не опалил, хоть гости и сидели достаточно близко. Из пламени вылетела крупная птица с длинным горящим хвостом и, стремительно набирая скорость, вспыхнула полностью, а затем испарилась высоко в воздухе.

– Ну, здравствуй, странник и следопыт, Сын ловчего Теруса, – путники оторвались от зрелища и уставились во все глаза на шамана. – Здравствуй, Лууч. Я ждал вас.

Жестом шаман пригласил их в своё жилище. Стоило им зайти туда, у мальчика стали нагреваться зелёные камни, с помощью которых он смог разжечь костер и согреться в ночь, когда заблудился в чужом лесу. Всё это время он носил их с собой. Изнутри стало понятно: дом имел два этажа вверх и аж три вниз. Все их соединяла широкая винтовая лестница, сделанная искусным плотником из чёрного дерева. Шаман с новоиспечёнными гостями проследовали на этаж ниже. В уютной обстановке они расселись прямо на полу, на пушистые ковры у круглого стола. Кругом горели крупные жёлтые свечи, в камине плясал маленький огонёк, подогревая большой казанок с аппетитно пахнущим варевом.

– ХайСыл! – позвал шаман, и невесть откуда появился высокий стройный юноша с крупным орлиным носом, внимательными карими глазами и вихрастыми пепельно-коричневыми волосами. – Кушать будем, угощай дорогих гостей.

ХайСыл – судя по всему ученик шамана, быстро разложил деревянную посуду и тарелки. Наложил всем кушанья из горячего медного казанка и присел сам. Варевом оказались грибы, какие-то овощи, опять неизвестные орехи, семена – всё это весьма вкусно уплеталось за обе щеки. Потом ученик принёс всевозможные овощные и фруктовые салаты, сыры, ягоды и напитки.

– Меня зовут КерукЭде, – внезапно заговорил шаман, нарушив тишину. – Я и мой ученик рады приветствовать вас, дорогие гости, у меня дома. Начну сразу с главного. Как вы уже убедились, пришли вы ко мне далеко не случайно, как принято говорить в мире у некоторых сидящих тут. В связи с этим с полной ответственностью перед тобой и всеми присутствующими духами с нами говорю тебе, Лууч: из твоего мира в этот тебя направила ко мне твоя амыдырал, то есть судьба. Тебе суждено прийти ко мне, но не стать моим учеником, как это принято, а несколько иначе. Выражаясь языком твоего мира, пройти экстренное обучение. Так или иначе, ты всё равно можешь зваться моим учеником. Таков бойдус, или природа вещей. Поэтому я берусь за тебя лично, как если бы ты был мой уйнук, или внук.

«Вот это поворот!» – думал скорее не про себя, а про своих родителей Лууч. – «Как они будут без меня, а я-то без них? Допустим, сдюжу, а они?» Но сказал он совсем другое:

– А что с моими родителями? Они не найдут себе места, я отсутствую довольно давно.

– О своих предках не беспокойся. В тот же день, когда ты пропал, азы, или духи, принесли им мальчика-сироту твоего возраста. У него твои лицо и голос, азы постарались. Никто не заметит подмену, да и для сироты это будет лучшая судьба. Он будет думать, что это его родители, – заверил мальчика КерукЭде.

Мальчик подозревал, что попал в другой мир, шаман же окончательно развеял его сомнения в верности догадок. Немного поколебавшись, Лууч ответил:

– Сердце говорит мне, что вам можно верить и доверять. Пусть будет так.

– Да будет так, – подтвердил КерукЭде.

Шаман хлопнул в ладоши, и раздался очень сильный звон. Когда он пропал и в головах гостей стало проясняться, они открыли глаза: перед ними сидел огромный тёмно-бурый медведь. КерукЭде принял истинный облик и засмеялся. Настолько громогласно, что они опять закрыли глаза и позажимали ладонями уши, но на этот раз от нестерпимой громкости баса. Шаман опять принял привычный им облик.

– Теперь вы знаете мой лик, но вам не стоит меня бояться. Вы мои еннуки, или друзья. Вечером совершим твою инициацию в мои сургуул, то есть ученики.

Потом все ели жёлтые, спелые дыни.

– А это уже из твоего мира, Лууч, – сказал шаман. – Когда я гостил и путешествовал по делам в твоём мире, мне очень понравились эти крупные фрукты. Здесь они не растут, климат немного другой, но ХайСыл справился с заданием, и теперь мы выращиваем их на огороде почти круглый год.

Шаман, следует полагать, знал бесчисленное множество миров, раз так спокойно об этом рассуждал, возможно, даже все, в том числе и мир Лууча.

– А теперь о тебе, Головус. Я знал лично твоих отца и деда, и собираюсь тебе помочь. Мой чок, или родственник, Унштар ведал мне о твоём горе. Тебе поможет мой чаа эртэмниг, или новый ученик, Лууч. В процессе обучения я направлю его тебе на помощь – вместе вы справитесь с затянувшейся историей с кара чатка, то есть чёрной ведьмой, похитившей меде-релл утказы, или сознание, твоих жены и дочери. Второе имя этой ведьмы ЧыланАль, или Змея Аль, будьте с ней осторожны, – на этих словах шаман закрыл глаза и затих на некоторое время.

– Кстати, о змеях, – продолжил шаман. – Ты, Лууч, уже должен заметить, что змеи привлекают твоё внимание особенным образом, и что они теперь будут следовать за тобой повсюду. Тебе придётся это принять. У каждого человека есть свои помощники в мире духов. У кого-то мало, у кого-то много, у кого-то скрытые, у кого-то явные. Твой случай – яркий пример того, как они себя проявляют через мир животных. В данном случае чылан, то есть в твоём мире, они ещё называются «наги» и связаны с тобой напрямую. Если провести множество нитей между нашим миром и их, то ты запутаешься в них, как муха в паутине, прежде чем найдёшь исходный виток. Помни об этой связи.

Зелёные камешки у мальчика в кармане нагрелись до такой силы, что он начал ёрзать, а потом не выдержал, вскочил, обжигаясь, и выкинул на пол все начавшие светиться кругляшки. Шаман молча смотрел на все манипуляции мальчика, а потом произнёс:

– У тебя ещё и камни! Ты не перестаёшь меня удивлять, дитя. Это светлячки. Способность их нагреваться – одна из самых малых. Ещё одна – нагреваться при большой энергетике места, как произошло прямо сейчас. Есть и другие особенности. Большая польза от них состоит в связи, которую они дают, если носить их у сердца: человек, давший одного такого светлячка другому и один оставив при себе, может слышать, чувствовать, а порой и видеть другого, при полной взаимности. Однако не думайте, что это так просто: сначала вы будете чувствовать связь, этого пока достаточно.

Шаман, не побоявшись обжечься, наклонился вперёд, поднял их все до единого голыми руками. Их оказалось семь. Накрыл другой рукой и поднёс ко рту, что-то тихо им прошептал в ладони.

– Бери, Головус, один. Носи у сердца. И тебе один, ХайСыл. Остальные четыре спрячь, а один сам носи у сердца, – распорядился шаман, обращаясь к Луучу последним. – Раз ты хозяин светлячков, то связь у вас будет односложная, в будущем общаться между собой Головус и ХайСыл не смогут, только с тобой.

После ХайСыл принёс орехи в меду, а шаман снял со стены девятиструнный инструмент, изогнутый под такими неестественными углами, что вызывало сомнение, возможно ли вообще на нём играть. Но тем не менее, он взял его достаточно уверенно, наполовину уперев в плечо, а большую его часть положив на колени.

– Теперь я вам сыграю. Музыка красноречивее расскажет всё, что вы хотели бы знать, но не знали, как у меня об этом спросить, и даже больше, – подвёл шаман и дотронулся до струн.

Лууч часто бывал на органных концертах с родителями, симфонических и прочих других. Было здорово слушать творения гениальных композиторов и общаться с ними сквозь время. Однако то, что он услышал сейчас, не шло ни в какое сравнение со всем его предыдущим опытом. Комната была достаточно маленькая, звуку особо негде было разбежаться, и всё же льющаяся музыка заполняла всё пространство, резонировала через пол, стены, потолок, забиралась внутрь тела, мурашками выступая на коже. Глубина звучания уносила в бездну невиданных ощущений, волнами открывая новые и новые горизонты, приподнимая пласты мыслей и информации, ценность которых зашкаливала. Лууч уже почти проник в сущность бытия и почти дотронулся до того явления или понятия, что в его мире называют богом, как вдруг музыка плавно закончилась, звякнув той же самой струной, с которой началась. Головус первым пришёл в себя, открыл глаза и так и не смог ничего сказать. ХайСыл блаженно улыбался, но не открывал глаз. Лууч же замороженно осматривал КерукЭде и его загадочный инструмент, а внутри себя явственно ощущал мистическую связь с этим загадочным шаманом.

– Однако, мы засиделись, и нам пора проводить Головуса, – опять первым нарушил короткую тишину шаман и, приподнимаясь, строго, но с улыбкой добавил. – ХайСыл, открывай глаза, пора проводить гостя.

– А что это были за цветы, так вкусно пахнущие, когда мы шли к вам со стороны деревни? – вспомнил Лууч.

Шли провожать Головуса по тропинке сквозь пышный сад плодовых деревьев, сквозь огород, между кустов с крупными синими ягодами. По форме напоминавшие жимолость, только крупнее в несколько раз, они росли между грядок с огромными овощами. Мальчик не мог точно определить культуру овощей, в большей степени ему всё это было не известно.

– Это подарок от Унштар, – отвечал шаман. – Его привёз мне Головус, когда четыре года назад приехал напрямую от моего родственника. Если гости настроены благожелательно к человеку, посадившему эти цветы, то они будут источать приятный ему аромат, а если кто-то или что-то захочет причинить вред вырастившему их, то они будут выделять ядовитые масла,

и недоброжелателю не поздоровится. Есть и другая особенность: все, кого они уморят, пойдут на корм новым побегам, их попросту съедят, – тут шаман лукаво улыбнулся и добавил. – Но вам ведь нечего бояться.

Головус и Лууч, переглянувшись, согласно закивали. С холма вид открывался на чудесный цветочный луг, пересекаемый рекой, недалеко расположенный лес за ними и бесконечной красоты горы на самом горизонте.

– Бесподобная красота тут у вас, – ни к кому конкретно не обращаясь, объявил Лууч. – Словно всё происходит в самом лучшем сне, но наяву.

– Что есть реальность, мой мальчик? – говорил шаман. – Всего лишь окружающая человека со всех сторон объективная, но иллюзорная сеть. Стоит её смахнуть, точно убрать паутину из угла комнаты и начинаешь принимать, что всё это сновидение! Ты в своё время в этом прекрасно убедился сам, покидая родные края. А теперь посмотри на этот бочонок с водой, на эту зеркальную гладь, по ту сторону воды – что ты видишь?

Лууч сначала увидел вечернее синее небо, а потом рассмотрел вместо своего отражения лицо шамана. Вместо глаз у него были бочонки с водой, в которые заглядывали ещё два таких же шамана, а потом увидел своё лицо, только детское и открытое, со свисающими светлыми волосами. Оно сразу принялось меняться, пока не приобрело выразительные черты взрослого мужчины... От собственных мыслей мальчика отвлек голос КерукЭде.

– Ты видишь! Это твоё сновидение! Ты достаточно вспомнил, Лууч! А теперь проснись!

Глава 6

Вода в бочонке подёрнулась рябью, отражение мужчины со знакомыми голубыми глазами и такого же цвета отражённым небом в них задрожало. Всё поплыло, не стало ни воды, ни бочонка, ни голоса шамана, ни Головуса, ничего. Воронка разноцветных нитей закрутилась и сжалась в одну точку с оглушительным хлопком. Я проснулся. Принесённый ветром лист свежей бумаги с ещё плохо просохшими чернилами с хлопком прилепился к моему лицу.

– Ещё одно доброе утро в бегах, – пролепетал я быстро, приходя в себя ото сна.

На этот раз я заночевал на самой опушке леса, примостившись в огромных валунах, так чтобы свет костра не выдавал меня ночью. Впереди виднелся небольшой городок под названием Форнон, входящий в состав Королевства Его Величества Аукристиана, как и многие другие мелкие города. Задумался. Участились сновидения из детства. Прошное притягивается, будто разницы во времени вовсе нет. Ну дела! КерукЭде не стал бы навевать мне их, а пришёл бы сам лично и сказал, чего от меня хочет или прямо пригласил к себе. Значит, это моё воспалённое последними событиями в Вулверс-Сорфа сознание выдаёт целые эпизоды прошлого.

– Что у нас тут прилетело? – обращаясь к самому себе, спросил я, только начав раскрывать лист бумаги, который я до сих пор сжимал рукой в тёмно-серой перчатке.

«Внимание достойным жителям всех благородных городов Королевства Его Величества Аукристиана! Разыскивается: высокий мужчина, среднего возраста, выразительные синие глаза, светлые волосы, светлая кожа. Особые приметы: необычно одет, верхом на вороном коне. За информацию о месте его нахождения полагается вознаграждение сообразно ценности предоставленных сведений. За приведение к стражам порядка и охраны дворца – три тысячи золотых гултсов из казны Его Величества Аукристиана. За доставку мёртвым – повешение».

Ну, с таким описанием можно каждого встречного ловить и приводить на дознание к бдительным стражам Его Величества. Зачем я в таком случае нужен был наёмникам мёртвым? Однако воронья кобыла (вообще-то, а не конь!) – деталь весьма приметная, с этим надо быть осторожнее. Хоть коня от кобылы отличит далеко не каждый, следует принять меры ещё до въезда в город. А лучше зайти в пешем порядке. Те более, не через центральный вход. По-быстрому оттерев от лица мягкой замшевой перчаткой капли чернил, я поднялся отвязать

Черёмуху. Одно радует: мёртвым я никому не нужен, разве что кроме наёмников. Пока не нужен.

– Тише, моя хорошая. Дяде Луучу надо дойти с тобой вон до того города, покормить тебя зерном, напоить чистой колодезной водой и оставить на пару дней у кого-нибудь, кто тебя почистит и погладит ворсистой щёткой, – сказал я, глядя смоляную гриву Черёмухи, пока она радостно фыркала.

– Не будем терять бесценные утренние часы! Проследуем в славный град Форнон, – договорил я, подведя итог очередному соглашению между животным и человеком.

Животное нельзя принуждать, с ним лучше договариваться, так же как с людьми. И если в последнем случае договориться можно не всегда, то в первом это срабатывает гораздо чаще, при разумных условиях и более-менее равном обмене. Черёмуха была оставлена мне другом и союзником из Вулверс-Сорфа. Вчера набрёл на самом выходе из леса на сарай, в котором её оставили и подготовили для меня вместе со всей сбруей.

Солнце ярко осветило окрестности. Чтобы не привлекать внимание зорких зевак города, не заходя на Черёмуху, повёл её за поводья между валунов в молодую и пышную местную растительность. Флора встретила нас разбегающимися во все стороны жирными серыми и рыжеватыми зайцами и нагло фырчащими, не уходящими с пути ежами. Пришлось их обходить всякий раз. Птицы щебетали в полное горло, так же бесстрашно глядя на нас с веток.

Пушистая растительность тем временем подводила нас ближе к старинным стенам города из белого камня. Было видно, что стена постепенно разрушалась от времени. А может, потому что за свою историю город пережил менее мирные времена? Стены сдержали не одну осаду, служа защитной границей между дикими нравами захватнических племён или делёжкой земель между Их Величествами. Да вот канули в лету и теперь стоят разваленные, упавшие тут и там, и через них вполне может пройти экипаж в полный рост, запряжённый парой лошадей, и даже провести за собой телегу, нагруженную брёвнами. Тем не менее, в некоторых местах, полностью недоступных глазу от частых насаждений плодовых или просто диких деревьев, каменная стена стояла совершенно как новая, если не учитывать растущий местами мох и надписи с рисунками, сделанные местными детишками, выражающими свой юный художественный вкус и видение мира.

Возможность подойти к одному из крупных проломов стены растаяла вместе с закончившимся древесным пологом, и я оставил Черёмуху у молодой берёзки песочного цвета, а сам, не найдя ни одной любопытной пары глаз, быстро пробежался к разлому поменьше. За стеной пахло дикими розами и ещё чем-то душистым. Замелькали дома между зелёными насаждениями, представляющие собой не то огороды вперемешку с садами, не то просто дикие плантации овощных и фруктовых культур. Заприметив в одной скромного вида хижине старика, приблизился и первым заговорил с ним.

– Здравствуй, славный человек! Разреши моей лошади встать у тебя на постой на несколько дней и прими от меня за это скромную благодарность, – с этими словами я высыпал на ладонь пяток платearтов, крупных и средних размеров серебряных монет.

Своим достоинством платearты много ниже гултсов, но пользуются особой популярностью в любых краях как разменная монета.

– А чего ж не встать, вставай хоть на неделю, раз человек хороший и платишь щедро! – внимание его блестящих глаз переключилось с моего оружия на высыпанные монеты.

– Только пусть это будет нашей маленькой тайной, старик, и я буду так же щедр, когда приду забрать кобылу.

Мне на заметку: скромнее надо быть впредь в финансах, если хочу оставаться незамеченным.

– А где же твоя кобылка, господин хороший? – участливо спросил старик, ловко пряча деньги куда-то за пазуху.

– Выйдешь за белые стены, увидишь рощицу песочных молодых деревьев, вот там и стоит, тебя ждёт чёрная красавица.

Не успел я договорить, как он деловито широким шагом направился за моей животиной.

Пока он ходил, я ожидал на скамье в тени, ел крупный чёрный виноград с куста, который оплетал всю беседку, создавая непроглядную зелёно-чёрную изгородь вокруг, до самого навеса. Солнце порядком поднялось и сильно напекало. Сочными плодами голод удалось на время утолить. Подошёл старик, ведя за узды блестящую смолью гостью.

– Господин, поди ты тоже у нас остаться хочешь? Моя жена, хозяйка, скоро придёт с рынка. Найдём место и тебе, коль остаться пожелаешь, – говорил он, пока заводил Черёмуху в миниатюрную конюшню, обильно насыпая ей зерна.

– Возможно, но не в эту ночь, меня уж в гости ждут в других местах, но там конюшен нет. Куда могу сложить я свою скромную утварь? – в ответ спросил я. – По городу негоже шибко с оружием щеголять.

– А там же, в конюшне, найдёшь ты большой сундук с замком булатным, в нём ты увидишь ключ. Никто его не тронет, имущество твоё сберегу.

– Лады, как звать мне тебя, старик? – вставая на дорогу, поинтересовался я.

– Хибарий, а как величать тебя мне? – отрекомендовался тот.

– Зови меня Лууч.

Имени моего всё равно здесь никто не знает. Я зашёл к Черёмухе, проследил, есть ли у неё в ведре вода, и, вскрыв замок, аккуратно разложил в сундуке плащ, лук с колчаном, меч. Положил туда и конскую сбрую, чтобы Черёмуха отдыхала, предварительно достав оттуда нож и рогатку.

Налегке вышел за оградку владений Хибария. Остался одет в тёмно-зелёные замшевые сапоги, широкие коричневые штаны и серую рубаху с жилеткой на оттенок темнее, усеянную многочисленными скрытыми карманами, и прекрасную светло-коричневую панаму. Идя к центру, через полчаса я достиг оживлённых улиц и, чтобы не привлекать к себе внимание, опустил панаму ниже на лицо, а на плечо взвалил оставленный бесхозным под сливами небольшой мешок с сеном, тем самым окончательно слившись с местными.

Мимо проплывали вывески «Лучшая цирюльня – “Брадобрей”, становись добрей!», «Вкусная кухня – “У очага”», «Посуда, глиняная, стеклянная, деревянная, новинка – каменная», «Всё для вашего здоровья и не только» и многие другие, самая интересная из которых гласила: «Северная оружейная лавка». Звучит уже лаконично и просто, каким и должно быть оружие. Надо заглянуть сюда попозже или на обратном пути.

Добрался через множество переулков и улиц на нужную мне, зашёл за широкие кусты шиповника, высаженные вдоль забора. Осмотрел площадь и близлежащую улицу – никто за мной не следит. Закинул в сад, за бежевый каменный забор, мешок. Осмотрелся ещё раз. Зевая, свидетелей не видно. Подпрыгнул, ухватился за край забора и быстро, в один мах, переместился за него, на другую сторону. В большом густом саду развернулся целый обеденный ритуал: женщины и мужчины благородного происхождения негромко смеялись, беседовали и уплетали приносимые слугами приготовления. Не видя возможности проскочить незаметно в дом через всех этих людей, оставшись при этом незамеченным, потянулся к своему мешку с сеном. Устроившись в самых густых кустах, разложил мешок и расположился на нём. Делать нечего, будем ждать.

Я прилёг на правый бок в мягкое, вкусно пахнущее сено. Так я долгое время лежал и слушал их светские пустые разговоры. В итоге прохлада тени, предшествующая бессонная ночь и долгое блуждание под горячим солнцем сделали своё дело и на меня, как непреодолимая тяжесть, навалились усталость и дрема. Очнулся, по моим ощущениям, спустя пару мгновений, что оказалось не совсем так, ведь жар и зной пропал, а тени стали жирнее и длиннее. Неужели проспал до самого вечера? Уморили события последних дней, это уж точно! Под-

нялся на руках, выглянул в просветы зелени – никого. Разошлись гости, сад пуст, столы убраны. Хорошо, видать, устроился, раз так долго пролежал. Двигаясь преимущественно в тени (что было нетрудно, учитывая её густоту и размеры), приблизился к чудесному архитектурному изыску, дому Велемиры.

Велемира – моя давняя знакомая. Однажды, когда я был совсем маленький, к Керук-Эде подъехала карета. Из неё на руках вынесли худую девочку, Софискизу, родную сестру Велемиры. Её тело одолевал яд редкой змеи под названием «черновья». Яд мучает жертву несколько дней, а потом она умирает от удушья и острого заражения крови. Есть только одно противоядие, и изготавливается оно из яда этой самой черновьи. За ним меня и отправил шаман в ближайший лес. Я стремглав бросился туда и нашёл нужную змею, благо пока мы с ХайСыл курсировали по округе на тренировках, я запомнил много мест, где обитают те или иные ползучие. Подозвал змею и осторожно выгнал немного из неё яда в горшочек, прихваченный с собой, отпустил с миром и благодарностью, после чего прибежал домой. В последний момент Керук-Эде успел изготовить противоядие, красавица Софискиза осталась жива. Однако из-за страха к змеям, она сильно невзлюбила меня, в отличие от её менее капризной старшей сестры Велемиры. В тот день она сопровождала сестру во второй карете, но та сломалась по дороге, отчего девушка была вынуждена прибыть позже.

Велемира потом изрядное количество раз просила меня помочь в разных случаях, требующих особых знаний по врачеванию с помощью ядов различных змей. Мы пребывали в весьма тёплых дружеских отношениях. Однажды одного царского вельможу тяпнула за мягкое место опасная гремучая змея варида. Её укус не был смертелен, но этого никто не мог знать из сопровождающих его на охоте слуг. Проведав, что Велемира знает человека, способного помочь, люди вельможи пришли к ней.

В это время я гостил у неё дома. Она выслушала посыльного и отправила обратно, передавая, что постарается помочь знатному человеку и отыскать нужного змееведа, то есть меня. По её большой просьбе и из чувства сострадания ко всем живым существам я согласился и поспешил на помощь с желанием нести благо и поскорее выполнить поручение. В этот же день прибыл к нему в дом по указанному Велемирой адресу в соседний город Вулверс Сорфа, вручил письмо от неё принимающей охране и был приведён в покои укушенного невезучего охотника.

Рядом стоял аквариум с пойманной варидой, вид которой меня сразу успокоил – безусловно, она ядовитая, но летальный исход невозможен. Жертва её яда будет мучиться один-два дня, а потом жжение и острая боль внутренних органов должны пройти, нужно только пить много воды и принимать обезболивающее, пока организм сам не нейтрализует яд. Болезненно, да, летально – отнюдь, даже полезно. Это своего рода встряска для иммунитета, как с укусом пчелы, например. Я на всякий случай осмотрел его на предмет других укусов, но ничего не нашёл. Сказал слугам на выходе, что всё будет хорошо, главное, поить водой и давать универсальное обезболивающее из соседней лавки травника до полного выздоровления – день, от силы два.

Не тут-то было. Вышел спокойно за порог, начал двигаться в сторону извозной кареты, чтобы вернуться обратно в Форнон, как вдруг один из охраны вельможьего дома выбежал следом и начал выкрикивать проклятья. «Убивец, отравитель, шпион, злоумышленник!» На этом его поток ругательств иссяк, и следом посыпались приказы схватить негодяя. Я не мудрствуя лукаво бросился бежать... Дождавшись вечера, посетил на всякий случай оружейную лавку при трактире «Медленный шторм» и рванул напрямик через лес, в сторону города Форнон, к Велемире – она может оказать влияние и обелить меня от незаслуженного обвинения в фальсифицированном отравлении. Поди пойми их игры в борьбе за власть! Оттуда после вышеописанных событий и попал сюда, в сад дома Велемиры.

По растущим прямо по стене толстым стеблям вьюна я забрался на второй этаж, в лоджию, а оттуда в открытое окно. По пустому знакомому коридору прошёл в спальню к Велемире. Спрятался в большом шкафу и принялся ждать. Ждал около часа, пока она не появилась в длинном бархатном голубом платье. Её густые каштановые волосы были заплетены в несколько толстых кос. Она сняла браслеты с рук и распустила косы. Здесь я вышел и первым заговорил.

– Велемира, меня банально подставили! – с ходу выпалил я, что пришло на язык. – И сейчас меня ищет пол дворцовой охраны со всеми подручными ей мелкими наёмными организациями.

– Аааах! – только и успела воскликнуть она, удерживая на груди снимаемое платье.

– Госпожа Велемира, у вас всё хорошо? – донёсся из-за двери приглушённый голос юной прислужницы.

– Да, Низария, не беспокойся за меня, отправляйся спать, – беря себя в руки ответила Велемира.

Она путалась в волосах, суетливо поправляя на себе хорошо сидящее платье. В коридоре послышались тихие удаляющиеся шаги.

– Что случилось, Лууч? Скажи мне, почему ты так странно одет? Я очень волнуюсь за тебя, – возбуждённо спрашивала меня Велемира, обнаружив мой нынешний наряд и искренне переживая за меня.

– Тогда присаживайся, я расскажу тебе всё, – приглашая сесть на её же кровать, ответил я.

Я поведал ей в деталях и подробностях, что со мной приключилось. Она внимательно слушала меня и не перебивала, а потом предложила помощь в моём укрывании до поры, пока она не уладит этот вопрос. На тот случай, если уладить ничего не получится, а царские доводы окажутся неоспоримыми, Велемира поможет мне в организации побега в любую часть света, какую я пожелаю. Мы ещё полночи беседовали на разные темы, ведь не виделись мы уже несколько лет, а нашу полноценную встречу ранее прервали. После этого она предложила мне расположиться у неё до утра. Отдых в саду на земле был недостаточен, и моё тело, коснувшись её воздушных перин, будто бы стало весить не меньше, чем гора. Несколько гор. Размеры головы, рук, ног, увеличились до длины горной долины.

Не в силах пошевелиться и тем более что-то предпринять я почувствовал, как проваливаюсь сквозь одеяло, сквозь простыню и перину, а потом сквозь пустоту, в тёмную воронку. Воронка закручивала меня по спирали, с каждым витком ускоряя темп, я летел головой вниз с возрастающей скоростью падения, гул в ушах увеличился до невыносимого... Воронка напоминала смерч, схвативший и понёсший меня в неизвестном направлении. Верх с низом смешались, пропали любые направления. Я хотел закричать, но не успел.

Глава 7

– Аааааааааааа! – завопил я, проснувшись на циновке в доме шамана.

– Что такое, что случилось?! – вскочил со своей кровати ХайСыл, пробуждённый криком нового соседа по комнате.

Приходя в себя, я ошарашенно, но внимательно огляделся. Меня окружала старинная деревянная мебель с элементами разноцветного стекла и такого же цветного металла. Комната снабжена шторкой, условно разделяющей мой уголок с жилищем ученика шамана. Ничего страшного и волнующего, наоборот, умиротворяющая, тихая обстановка. И зачем надо было кричать на весь дом?

– Да что-то накатило, ХайСыл, – сказал я первое, что пришло в голову, не понимая сам причины такой дикой реакции на первое утро ученичества в гостях у КерукЭде.

– А, тут такое бывает, – поведал ХайСыл с видом знатока на своём харизматичном вытянутом лице. – Тут и не такое бывает, тут бывает такое... Уххх, ты привыкай, в общем.

Мы встали. ХайСыл был немногим старше меня и выше ростом на целых полторы головы, но это не мешало мне чувствовать себя с ним на равных. Он порылся в большом пятиугольном

шкафу, достал несколько просторных нарядов, представляющих собой нечто среднее между средневековой нательной пижамой, кимоно и мантией звездочёта. Они были разнообразных цветов. Каждый наряд состоял из просторных штанов и рубахи с длинным расширяющимся рукавом, хитрыми плетениями вместо пуговиц и капюшоном, очень удобным и комфортным в ношении.

Наряд назывался «самохват». ХайСыл рассказал его краткую историю: с самого сначала одеяния носились только царскими особами и служащими, людьми, приближёнными к Его Величеству, но потом мода и универсальность одежд перешла в массы, однако на сегодняшний день популярность самохватов несколько упала. Несмотря на это, сейчас на улицах можно довольно часто встретить людей из разных сословий, одетых в них, отличием будет лишь качество исполнения и ценность исходного материала. Я примерил несколько штук. Лучше всех сел тёмно-малиновый – точно на меня сшили! Новенький, приятный на ощупь, с множеством кармашков в самых неожиданных местах, даже один на внутренней стороне рукава есть. На товарище была примерно такая же одежда, только бежевая, немного затёртая. Обулись мы в какие-то непонятные тапочки, называемые «хвати».

Предназначались они для ношения дома и во дворе. Впоследствии оказалось, что они довольно удобны. Во всём этом великолепии мы и вышли к шаману, который нас уже ждал с полным чайником какого-то настоя из сухофруктов и блюдом с нарезанным сыром.

Ждал он в беседке на внутренней стороне двора, посреди сада с поющими птицами. Солнце сушило последние остатки росы в траве, а мы допивали фруктовый напиток и доедали умопомрачительно вкусный сыр. Обучение моё началось сразу же после завтрака: для начала мне доверили перемыть всю посуду за нами и унести её на кухню. Когда же я сделал это и вернулся, они ждали меня с развёрнутым прямо на траве тряпичным покрывалом, где было выложено большое количество оружия: несколько видов луков разных форм и размеров, несколько увесистых колчанов стрел, тьма съёмных наконечников к ним. Были также около двадцати типов мечей, бесчисленное количество ножей и прочих колюще-режущих предметов. От простых до самых невообразимых, подстёгивающих, дразнящих и будоражащих самые тёмные и неизвестные закоулки воображения. Какие-то железные шары на цепях, на кольцах, на верёвках, иглы, звёзды, молоты, вилы, вилки и прочие радости жизни для искушённых знатоков боевых искусств и просто любителей.

– Уже можно выбрать что понравилось? – поинтересовался ХайСыл.

– Не сейчас, сургуул, – ответил ему шаман. – Нам нужно подобрать первое оружие для Лууча.

– Хухххх, – только что шумно выдохнул я, не заметив, что совсем перестал дышать при виде всего этого великолепия.

Я вновь затаил дыхание. Что же, что же мне из всего этого выберет шаман? Может, вот этот длинный изогнутый обоюдоострый меч и вон тот короткий лук, а может, пару ножей да вычурного вида молот с длинной рукоятью, выше моего роста? Но как же я буду его с собой носить? Тяжело будет.

– Вот это подойдёт, – выдернул меня из рассуждений шаман и потянулся к коротким серпообразным парным косам. Такие я видел давным-давно в музее Востока.

Однако он, прикоснувшись к ним, только отодвинул их в стороны и достал из-под них лежащую там аккуратную небольшую рогатку и мешочек – надо полагать, под снаряды для неё. Бережно вручил её мне, предварительно прикоснувшись ей к своему лбу, я принял в таком же порядке. Может быть, это шутка? Мои опасения по этому поводу возрастали с каждым мгновением, пока в моих руках не очутилось это. А оружие ли это вообще? Но когда я коснулся ладонями тёмно-коричневого дерева рогатки, округлых тяги с кожаным из коричневой кожи и переложил это в левую руку, мои опасения ушли в никуда, словно бы их никогда не было.

Рогатка более чем меня устроила, и этого бы хватило, но шаман вновь потянулся к настилу с оружием и поднял оттуда на этот раз средних размеров нож и тем же образом передал его мне. Его потемневшая от времени рукоятка была из кости, которая больше всего походила на кость человеческую, основание рукоятки было скруглено, а под пальцами едва заметно проступали выемки. Гарда была из бурого металла неизвестного происхождения, клинок длиной в две моих ладони, точно из мутного цветного стекла – кажется, оно называется вулканическим.

– Прими это оружие, Лууч. Оно дарует тебе знание и силу. Всегда носи его с собой, спи с ним, ешь с ним, совершай омовение с ним. Никогда теперь не расставайся со своим оружием. Такова воля духов этого оружия и моя. Соблюдай всё в точности так, как я тебе сказал, – договорил шаман.

– Да, КерукЭде, – сказал я и согласно закивал ему в ответ.

Весь день мы провели с ХайСыл вдвоём, он учил меня пользоваться рогаткой. Но не просто стрелять куда попало, а попадать с любого расстояния в самые маленькие предметы. Например, он без труда мог сбить любую на мой выбор шишку на ели на любой высоте. Снаряды нам служили металлические шарики диаметром примерно десять миллиметров, мы набрали их полные мешочки, чтобы наверняка хватило на весь день.

Стрелять было очень увлекательно. Сначала лучшим моим результатом был выстрел, где я на расстоянии в пятнадцать ярдов сбил с лежащего ствола дерева камень размером с куриное яйцо. На следующий день упорных тренировок этот же результат мне удалось повторить уже с двадцати пяти ярдов. У меня был хороший инструктор по стрельбе из рогатки, и через неделю дистанция точного выстрела увеличилась до пятидесяти ярдов. А на камнях, в которые я попадал, оставались довольно внушительные сколы и даже трещины.

Однажды я в очередной раз метко сбил камень величиной с кулак с приличного для меня расстояния, смело превзойдя последний личный рекорд. Камень звонко брызнул отколотой крошкой и свалился с ветки, на которую его поставил ХайСыл.

– Что ты скажешь о моих успехах, ХайСыл? – улыбаясь в тридцать два зуба, спросил его я.

– У тебя потрясающий к этому делу талант, парень, – со всей серьёзностью заметил ХайСыл.

Всё бы ничего, да его выдали весело пляшущие искорки в глазах.

– Попробуй теперь попади вон в тот лист на валуне, – он указал мне пальцем на высохший дубовый лист, который упал давно и приклеился к слегка покатой стороне огромного валуна, ярдах в тридцати от нас.

Я пошарил в поясном кармане, левой рукой нащупал мешочек, достал один шарик, вложил в кожеток, вытянул правую руку вперёд, левой оттянул снаряд до шеи и, долго не целясь, выстрелил. Очень тихий хлопок тяг и спустя мгновение шарик ударил по самому краю дубового листа и отскочил в неизвестном направлении. Приснуло немного белой каменной крошки и надорвало мишень.

– Хорошо, Лууч, а теперь следи за мной, – не спеша сказал ХайСыл и достал свою белёсую рогатку из светлой породы дерева.

ХайСыл быстро взвёл рогатку и спустил снаряд, тот прилетел явно быстрее моего, хоть и пустил он его от груди. Одномоментно с хлопком кожетка шарик ударил дубовый лист и, судя по звуку, не только его. Раздался удар строительного пневмомолота, вбивающего сваю в землю. Сероватый валун был примерно с два человеческих роста, столько же в ширину. Удар от шарика был такой силы, что при детальном рассмотрении было видно, как он прошёл насквозь весь камень. Входное отверстие представляло собой ровную дырочку, начиная от дубового листа, который не шелохнулся с места, а на выходе порода не выдержала и дала трещины во все стороны. Крупные трещины, кроме того, дали более мелкие побеги.

– Огого! – только и сумел произнести я.

– Ты подожди удивляться, лучше продолжай следить, – спокойно молвил он и продолжил стрельбу.

Мы вернулись в исходное положение, только отошли немного дальше, чем вначале, раза этак в три. ХайСыл прицелился, задержал дыхание и на полу выдохе почти бесшумно выстрелил.

В этот же миг камень словно поразила невидимая молния, метеорит или крупнокалиберный снаряд... Его просто разорвало на части. Четыре огромных дольки, как у разломленного апельсина, и тьма-тьмущая мелких осколков разлетелись во все стороны. Парочка даже долетела до нас, благо не причинила вреда своим мелким размером. Облачка крошки и пыли немного постояли над поверженным валуном и осели вместе с ними. Что-то осело и у меня внутри груди. Перехватило дыхание. Я округлил глаза и посмотрел на товарища, а он как ни в чём не бывало, показал мне пальцем на старый кряжистый пенёк недалеко, поросший уже невесть чем, да вновь зарядил кожеток обычным стальным шариком. Еле слышный хлопок – и пенёк как будто прожгло кумулятивным снарядом. Он с треском вспыхнул, затрещал пламенем, словно облитый смолой с маслом, и зачал чёрным дымом.

– Потрясающе, ХайСыл! А можно и мне из твоей рогатки пострелять? – уже придя в себя, с азартом спрашивал я у него. – Желательно твоими шариками.

– Ну, допустим, рогатки у нас с тобой примерно одного класса точности и мощности, шарики тоже мы набрали из одной корзины, следовательно, всё дело в стрелке. Рогатка, как и прочее оружие, является лишь проводником энергии хозяина. Остальному я тебя чуть позже научу, а пока надо потушить намеревающийся начаться пожар в лесу, – закончил он, доставая ещё один шарик из мешочка.

Я уже готов был таскать руками землю и воду из луж, чтобы затушить разгоревшийся пенёк. Не тут-то было. ХайСыл просто ещё один раз стрельнул по нему, как вдруг пенёк и всё вокруг на пару ярдов покрылось толстой корочкой прозрачного голубого льда и белейшего инея, даже снежинки разлетелись в стороны – надо думать, это были бывшие угольки с искрами. Потом он показал мне ещё один пример виртуозной стрельбы (я совсем убрал свою рогатку в карман, дабы не позориться на фоне мастера рогаточных дел, хоть и по меркам моего прошлого опыта у меня весьма недурно получалось).

Смеркалось, наплыли густые синие облака, и мы заспешили прочь из леса, домой. В мой новый дом. Милый сердцу дом.

– Вы как раз к ужину, – сказал КерукЭде.

Он сидел в беседке и наблюдал за тем, как мы бежим под крупными каплями дождя, хлынувшего внезапно, стоило нам приблизиться к дому. Я догадался, что это шаман сдерживал каким-то образом дождь, а как завидел нас, отпустил «вожжи». Потом перед сном я размышлял: может, и дождь нагнал тоже шаман, чтобы загнать нас домой до темноты? А то мы чересчур увлеклись недетскими игрушками.

– Да, Башки, – ответили мы с ХайСыл хором.

Так он ещё в лесу велел обращаться к нему, подразумевая под этим названием нечто среднее между учителем, наставником, мастером и дядей.

– Тогда проследуем в дом. Дождик разошёлся, – с лукавой улыбкой ответил он и первыми пропустил нас.

На кухне потрескивала угольками печь. Пламя облизывало котелки и чугунки. Запахи варева расплзлись по всем уголкам кухни, но не далее, словно наткнулись на невидимые преграды.

ХайСыл быстро раскидал по столу посуду с наложенными в них изысканными кушаньями, и мы принялись за поздний ужин. За день мы так сильно проголодались, что умяли по приличной порции, запив всё это сладким яблочным соком. За чаем КерукЭде рассказывал

нам интересные вещи о своём детстве. Причём по тому, как он рассказывал, было невозможно вычислить, сколько лет назад это было и в каком месте.

– Помню, в моём далеком детстве, когда я был моложе вас, мой ада, или отец, в первый раз взял меня с собой в зимний горный поход. Зимы у нас были длинные. Большую часть времени за окном лежал снег. Мы снарядили сани всеми необходимыми вещами, оделись как подобает и вышли. Шли через дремучие леса и труднопроходимые горы несколько дней. Спали, окопавшись прямо в сугробах... И вот однажды с гор сошла большая лавина и закрыла нам с ним единственный путь через ущелье. Тогда отец велел мне развести большой костёр и поддерживать его в течение всего светового дня. Я разжёл огонь, как он просил, насобирал и заготовил дров, чтобы хватило надолго. Отец уселся у костра и запел.

Песнь его длилась с полчаса. После чего он вовсе замолчал и просидел так до самого заката солнца. Выступили первые звёзды, месяц возник в небе. Мы сидели полночи. Сгорело больше половины дров, и я хотел пойти ещё нарубить. Успел сделать несколько шагов, как со всех сторон послышался лёгкий хруст снега. Меня схватила чья-то рука за плечо, душа моя ушла в пятки и там бы, наверно, и осталась, если бы это был не отец. Взглядом он велел мне остаться. В слабом свете месяца я заметил, как из теней отделялись другие тени, более плотные, в несколько раз выше нас ростом, и шли к снежному завалу.

Мне было и страшно, и нет одновременно, – шаман затих, мне даже почудилось, что у нас за окном идёт не обыкновенный дождь, а настоящая метель и что мы находимся далеко в заснеженных горах. Шаман попросил ХайСыл налить чаю всем и продолжил повествование. – Наутро мы прошли ущелье, зашли в пещеру, куда изначально шли всё это время, дорогу и вход в которую завалило непомерным количеством снега. Снега не было вовсе, точно за ночь там прошла сама весна, растопила весь снег, просушила землю. Позже ада рассказал мне: это багай четкер (злой дух местности) не захотел пустить нас в священную обитель древних храмов, или шаманов, поэтому отцу пришлось призвать дружественных дергу, или духов, чтобы они помогли. Они помогли.

После позднего ужина мы отправились спать. ХайСыл перенёс все мои вещи в соседнюю комнату, полностью предоставив новые покои в моё распоряжение. Стоило мне прилечь, тут же послышались звуки с улицы. Бывает такое: ложишься спать, только коснёшься головой подушки – и уже утро. Я открыл глаза. Точно, в окно через задвинутые ставни и плотные занавески проникал свет, но не похожий на солнечный. Звуки повторились, похожие на махи крыльев крупной птицы, что для этих краёв не новость, я не удивился. По ставням с обратной стороны послышалось скрежетание, словно птица зацепилась когтями и пытается удержаться. Я захотел встать и посмотреть, что там происходит наверняка, но неожиданно окно с цветным стеклом распахнулось вместе со ставнями, а занавески разлетелись в стороны. В комнату, залитую светом неполной луны, влетела огромная сова размерами с крупную собаку. Её серебристый окрас с бело-чёрными пятнышками, гигантские, подобно блюдцам, глаза, пристально смотрящие на меня, и острый клюв крючком окончательно вывели меня из равновесия. Я вскочил и что есть мочи заорал не своим голосом: «ХайСыл! КерукЭде! Скорее сюда!», но вместо слов из моего рта полилась вода, на пол. Я попытался закричать: «Аааааааа!», да усугубил ситуацию – изо рта пошёл напор воды сильнее в несколько раз.

Вода моментально дошла до колена. Я побежал. Сова, или филин, всё это время сидела на пошатывающейся спинке кресла-качалки. Впервые она моргнула и издала пронзительный крик. Вода прибывала так быстро, что, когда я добежал до двери, уровень её дошёл груди. Я рывком задёргал дверь, в панике не помня, в какую именно сторону она открывается. Задержка стоила мне драгоценных секунд, вода уже дошла до уровня глаз, и я поплыл к единственному оставшемуся выходу. К окну.

Плыть было трудно, вода, выходящая из моего рта, мешала быстро добраться до спасительного выхода. Сова воспарила под потолок. Я всё-таки добрался до окна раньше, чем сова,

и вынырнул вместе с потоком хлещущей во двор воды на улицу. Второй этаж был приличной высоты, ярдов семь от окна, так что твёрдая земля примет меня со всем радушием гравитации! Сгруппироваться не успел, только зажмурился и стиснул зубы.

Вместо падения пришло чувство вознесения вверх – сова, вылетевшая следом, бережно подхватила моё тело и понесла ввысь с неестественно большой скоростью. Я икнул, и вода перестала хлестать из меня, словно гейзер. Дом на холме в роще деревьев удалялся, а нам навстречу блеснули звёзды и сама луна загорелась ярче, а может, это у меня уровень адреналина стал зашкаливать от таких казусов невероятных. Свет звёзд брызнул сильнее, свет от деревни совсем померк в своих красочных переливах. Мои глаза заслезились от усилившегося воздушного потока, пришлось их закрыть и крепко держаться за лапы, это было не так страшно, чем выпасть из них, учитывая скорость падения и расстояние до земли.

Вскоре скорость полёта убавилась, сова подлетала к горе, чьи размеры и высота были несусветные. Всё видимое с её уровня казалось чрезвычайно мелким. Мы подлетали к поляне, в центре которой горел большой костёр, а вокруг собрались силуэты, пока не различимые, но отчётливо дающие понять, что ждут они только нас. Надеюсь, меня не съедят сразу на этом языческом капище, дадут возможность отправить восточку родителям и шаману с его учеником... Кто знал, чем обернётся эта ночь!

Все до одного мои самые страшные опасения подтвердились. Ближе всего к костру стояло существо ярда в четыре ростом, с мускулистой человеческой фигурой и головой быка. Вокруг столпились существа самых изощрённых и смешанных зверотипов, в основном, такие, коих причислить ни к чему естественному и нормальному никак нельзя. Некоторые видом своим напоминали ангелов, некоторые – демонов, если верить фрескам из музеев и картинам великих художников моей исторической родины. Человекоподобные были в меньшинстве, однако они запомнились очень хорошо, особенно тот, у которого вместо ног был толстый змеиный хвост. Были и такие странные многорукие существа, от которых мерцал свет, или же те, кто буквально поглощали его, оставляя возле себя чёрную ауру ничего. Сова подлетела ближе и на мгновение, зависнув над огнём, разжала лапы.

Падение в высокий и довольно широкий ритуальный костёр ничего хорошо не сулило. Даже группироваться нет смысла, как это было при падении из окна, там хоть был шанс остаться относительно невредимым, отделавшись синяками да ссадинами. Здесь – нет. Я не успел набрать полную грудь воздуха, чтобы сделать то единственное, что осталось, то есть закричать. Осталось лишь панически помахать конечностями в разные стороны – вдруг я научусь летать? Язык пламени уже лизнул мою босую ногу, как вдруг руки, те самые, мускулистые, подхватили меня в последний момент и вынесли из огня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.